

Американцы хотят реалистической политики
своего руководства, а не советофобии.

Ст. Козн

СССР глазами советологов

В эту книгу
включены работы известных
американских политологов и социологов,
таких как

Ст. Козн
Дж. Буллингтон
Ст. Тальботт
Х. Смит
и других

СССР глазами советологов

В эту книгу
включены работы известных
американских политологов и социологов,

таких как

Ст. Коэн
Дж. Биллингтон
Ст. Тальботт
Х. Смит
и других

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1990

ББК 60.59(2)
С76

**СССР глазами советологов: Сборник / Сост. и
С76 перевод: Ф. Д. Урнов, О. Ю. Урнова.— М.: Моск.
рабочий, 1990—128 с.**

В эту весьма актуальную книгу включены работы известных американских журналистов, советологов и социологов, таких, как Ст. Коэн, Х. Смит, Дж. Биллингтон, и других, содержащие мнения и размышления о совершающихся в ходе перестройки революционных преобразованиях в нашей стране. Для широкого круга читателей.

С $\frac{0802000000-049}{M172(03)-90}$ Без объявл.

ББК 60.59(2)

ISBN 5-239-01282-2

© Сост. и перев. Федор и Ольга Урновы, 1990

Вступление

Мы живем в эпоху ежедневных сюрпризов. Перед вами, уважаемый читатель, книга с немисливо «опасным» содержанием. За одно — любое! — предложение из этой антологии всего лишь шесть лет назад... Лучше не продолжать, ибо даже сейчас страшно себе представить, что было бы. Признаемся, что с трудом избежали соблазна озаглавить антологию «Из-под двух гаек», что в переводе с библиографического жаргона означает — «Книга находится в спецхране и выдается строго определенным лицам при наличии соответствующим образом оформленных документов». (Разумеется, все глаголы — в прошедшем времени.) Жалко, что «под гайками» хранили правду — реальную правду.

С сожалением приходится отметить, что в доперестроечную эпоху американцев, писавших об СССР, «клеймили» без разбора. Московский корреспондент одной из американских газет в начале 1983 года завел для своих репортажей из Москвы три папки, которые озаглавил не «Входящие», «Исходящие» и «Срочные», как принято в США, а «Клеветнические измышления», «Антивоветские выпады», «Откровенная фальсификация» (так, если вы помните, принято было в нашей прессе характеризовать западные отчеты о жизни в нашей стране).

На самом деле «советологическая» литература бывает разная. В Западной Европе в большом количестве выпускают самые настоящие измышления, причем делается это с конкретной целью —

провокационно-подрывной. Кроме того, очень много на Западе — и особенно в Америке — «чтива» об СССР, производимого таким же конвейером, как и фильмы о Джеймсе Бонде. Излагаемые в нем факты столько же сообщают о жизни у нас, сколько съемки фильмов о ФРГ или Англии в Таллинне или Ленинграде — о Западе (т. е. что-то общее есть, но суть — совершенно не та). И наконец, — как говорят англичане, «последнее по месту, но не по значимости», — есть собственно советологическая литература, создаваемая профессионалами — специалистами по Советскому Союзу.

Предлагаемая антология составлена только из произведений такого рода. Авторы — разные люди: журналисты, историки, социологи, политологи, писатели; они объединены главным: все прекрасно разбираются в том, о чем пишут, и все умеют профессионально нейтрально смотреть на вещи.

Тут необходимо пояснить один момент. 80 процентов населения США верит в Бога, около 90 процентов искренне горды общественно-политическим устройством своей страны — «оплота демократии». никоим образом не желая оскорбить чувства великой нации, хотели бы отметить, что гордость эта иногда, к сожалению, бывает несколько слепа (вспомним, например, что 75 процентов американцев полностью поддержали недавнее вторжение своих войск в Панаму). Возможно, поэтому в США так распространен взгляд на Советский Союз как на сборище «безбожных коммунистов», что для американского слуха звучит просто нецензурной бранью. Именно поэтому определенное место в американском мировоззрении занимает знаменитый лозунг «Better dead, than red» — «Лучше умереть, чем быть красным». Все это конечно же не очень приятно осознавать на шестом году перестройки и нового мышления, но, к превеликому сожалению, мнение рядовых американцев об СССР не всегда соответствует темпам перемен у нас в стране. Поэтому американскому автору, пишущему об СССР, просто опасно быть чрезмерно позитивным: ему могут не поверить и, что самое страшное, не будут покупать его книги (это, кстати, делает большую честь Стивену Коэну, в начале 80-х опубликовавшему серию смелых своим дружелюбием к нашей стране статей; четыре из них включены в предлагаемый сборник).

Возвращаясь к характеристике составивших антологию материалов, следует сказать, что авторам их — от Дж. Биллингтона, писавшего в 1966 году, до Ст. Тальботта, опубликовавшего свою статью 1 января 1990 года, — удалось порвать со стереотипами восприятия СССР и представить читателям реальную картину происходящего в нашей стране. Это не значит — как вы поймете, прочитав книгу до конца, — что мы выбирали материалы «всех цветов радуги». *Как раз наоборот*: мы старались отобрать материалы, во-первых, критичные, во-вторых, оригинальные, в-третьих, дружелюбные.

Естественный вопрос: нам что, «Огонька» с «Московскими новостями» не хватает в качестве источников «чернухи»? Ответ: в известном смысле — конечно же не хватает. Еще в XVI веке Фрэнсис Бэкон сказал: чтобы познать объект, необходимо выйти за его пределы. Американская публицистика дает советскому читателю такую возможность. Поверьте, в повседневной суеде мы многого не замечаем, и приходится поэтому прибегать к помощи зарубежных авторов. (См., например, размышления Шиплера о проблемах образования.) Кроме того, нигилизм — не лучший способ существования. Как это ни парадоксально, американцы напоминают нам о том, что не все у нас так плохо, как мы сами себе внушили в пароксизме негативизма... В целом, мы очень надеемся, что американский «взгляд со стороны» поможет нам еще раз взглянуть на самих себя.

Последний материал этой антологии несколько необычен. Это совсем свежая (номер от 1 января 1990 года) публикация журнала «Тайм», посвященная присуждению М. С. Горбачеву титула «Человек десятилетия». Материал позитивный и весьма любопытный. Вполне возможно, что этот номер одного из наиболее уважаемых в мире журналов станет вехой на пути перехода традиционной американской советологии к более дружелюбным оценкам СССР.

О. и Ф. Урновы

Приводимые ниже отрывки взяты из книги Дейвида Шиплера «Россия: павшие идола, грустные мечты». Автор — профессиональный журналист, с 1966 года работает в газете «Нью-Йорк таймс». С 1977 по 1979 год он был шефом московского корпункта этой газеты. Предлагаем читателям рассудить, какие из его наблюдений 1979 года справедливы и для нашего времени.

Дейвид Шиплер

Идола и мечты России

Русским манерам стоит поучиться. Учеба эта может стать очень интересной, если к ней относиться правильно. Даже на средиземноморском рынке надо торговаться с улыбкой, и тогда вас не огорчит то, что вас надули. Оригинальная русская традиция, к которой следует привыкнуть, — это *vrano* (так в тексте оригинала. — *Примеч. перев.*), в переводе на русский — «ложь». На самом деле правильное было бы перевести это слово как «наколка, треп, пудрение мозгов». Один мой русский приятель так объяснил мне, что такое *vrano*: «Это когда ты знаешь, что я вру, а я знаю, что ты знаешь, а ты

знаешь, что я знаю, что ты знаешь,— и тем не менее я с серьезным лицом продолжаю врать, а ты понимающе киваешь и записываешь за мной мои слова».

Блестящий пример вранья (vgaпуo) в сочетании с другим великим искусством — показухой (pokazuha — фальшивые демонстрации и перекрашивание снега для высокопоставленных личностей) я однажды наблюдал в Азербайджане. Искусство это за 200 лет до нашего времени довел до совершенства князь Григорий Потемкин, дабы ублажить императрицу Екатерину. Ей очень хотелось увидеть, как густо заселены новые южные территории, завоеванные в 1787 году, и князь ради нее установил театральные макеты, издали похожие на деревни. Отсюда и пошло определение «потемкинская деревня». В Азербайджане я встретил несколько официальных лиц, поведение которых напоминало мне Потемкина.

МИД повез около 30 работающих в Москве журналистов (из США, Японии, Западной Европы и нескольких коммунистических стран) в турне по стране. Как-то раз мы заехали посмотреть на провинцию и попали в сонный, но очень милый городок под названием Куба, центральный город одного из колхозов. Встретили нас, как встречают только сенаторов или дипломатов. Вся городская милиция была в новеньких блестящих погонах. Школьницы дарили нам цветы. Автобус провез нас мимо раскинувшихся на несколько миль свежеподстриженных садов и полей. Наша попытка поглядеть на жизнь в деревне провалилась перед лицом непрошибаемого гостеприимства и театрального всемогущества хозяев.

Оказанный нам дружелюбный и щедрый прием походил на что-то среднее между визитом военной делегации и обедом в министерстве финансов. Изобилие вина уравновешивалось некоторой неискренностью хо-

заяв. Вопросы — пожалуйста, только ответы уклончивы. Проблем не существует. Исмаил Удумов, директор фермы, одетый, как на похороны, в ослепительно белую рубашку, темный костюм и галстук, показал нам яблоневый сад с зачем-то свежевскопанной землей (только вдалеке виднелись сорняки).

Нас отвели в дом типичного колхозника — гигантское здание с бесчисленными комнатами, устланными новенькими коврами, с хрустящими от крахмала занавесками и новыми одеялами в магазинной целлофановой упаковке. «М-да, ничего себе «типичный рабочий», — вполголоса сказал мне репортер из Венгрии, саркастически улыбаясь. За эту ремарку он впоследствии имел крупные неприятности, хотя в своем репортаже в «Таймс» я не назвал его имени.

Мы зашли на кухню, где обнаружили сверкающий холодильник. Я открыл дверцу. Он был пуст, если не считать стакана воды и тарелки с зеленью. Вполне возможно, что его привезли сегодня утром, а заберут сразу же после нашего отъезда.

Я еще раз увидел такой холодильник через несколько лет и намного восточнее — в симпатичной избушке на озере Байкал. И снова нашей журналистской группе показывали прелести рабочей жизни. Кевин Клоуз из «Вашингтон пост», обнаружив в этой избе новенький холодильник, вспомнил мой рассказ про Азербайджан, хитро мне подмигнул и открыл дверцу. Там мы увидели... пачки газет. Холодильник был ими забит доверху.

Официальные лица, организующие эти гигантские рекламные турне по советским достижениям, хорошо знают свое дело. Каждый гость встречает с их стороны деловое дружелюбие, его сажают в «Волгу» и возят от встречи к встрече среди потока улыбок, рукопожатий и тостов. Как правильно заметил Питер Оснос из «Ва-

шингтон пост», «это все не хуже, чем встреча советского журналиста в Канзасе».

Однако иногда на лаковой поверхности гостеприимства появляются трещины, и тогда почетный гость начинает чувствовать себя так, как будто он всем мешает. В Азербайджане все было прекрасно, пока этот самый «типичный рабочий» не отвел нас на задворки своего типичного дома, где находился маленький коровник — грязный, как и все коровники мира. Я стал фотографировать хозяина с дочерью, как вдруг прибежал Удумов, директор в темном костюме, и закричал: «Вы почему здесь снимаете? Зачем здесь? Отведи их в дом!» После этого он увел меня из коровника и очень сердито посмотрел на рабочего. Видимо, он так испугался потому, что на фоне моего снимка были некрашенные сараи.

Затем нас всех повели в автобус (несмотря на протесты тех репортеров, которые хотели поговорить не с типичными, а просто рабочими) и отвезли в город на обед, многочисленные блюда которого тянулись всю вторую половину дня. Некоторые из нас в промежутках между блюдами попытались незаметно уйти и прогуляться по Кубе. Это оказался неторопливый городок с темно-коричневыми домами и кривыми улицами, полными деревьев. Нам весело махали местные жители, а компания ребятешек, гонявших на пыльной площадке футбольный мяч, предложила присоединиться к ним. Наши шикарно одетые телохранители испуганно пошли за нами, вежливо упрашивая вернуться в ресторан к следующему блюду. Когда я один отважно отправился по грязной тропинке мимо покосившихся домов, похожих на хижины деревенской бедноты в Аппалачах, за мной побежал человек, радостно крича: «Вас ждут в ресторане!»

У московских сотрудников МИДа иногда — к сожа-

лению, не всегда — хватало здравого смысла, чтобы испытать чувство неловкости. Порой умудренные опытом дипломаты демонстрируют свои профессиональные навыки. Группу журналистов, в основном из Восточной Европы, Монголии, Кубы и Вьетнама, как-то повезли на свиноферму с очень научной организацией труда. Им сначала больше часа читали лекцию, а затем посадили в автобус, так и не показав ни одной свиньи. Бывшие в группе два или три журналиста с Запада устроили скандал. Как это, говорили они, мы были в свиноферме и не видели ни одной свиньи? График не позволяет, проинформировал сопровождавший их сотрудник МИДа, а график надо соблюдать. Но возражения посыпались вновь. Мидовец объяснил, что по правилам гигиены перед тем, как зайти в хлев, посетители должны будут принять душ и переодеться в стерильные халаты, а на это уйдет много времени. Журналисты сказали, что с огромным удовольствием пройдут через эти процедуры. И тогда мидовец повернулся к тому американцу, который больше всех шумел, и предложил решить этот вопрос демократично, по-американски — голосованием. Американец сразу понял, куда он клонит, но отказаться не мог: он ведь считался защитником демократии. Мидовец, улыбаясь, спросил, кто за то, чтобы остаться и посмотреть на свинью? Ни один венгр, поляк, немец или вьетнамец руки не поднял. «Боюсь, вы в меньшинстве», — вежливо сказал мидовец. Програвшие голосование американцы заняли свои места, и автобус, взревев, уехал.

Иногда официальные лица ведут себя более спокойно: с большим вниманием относятся к желанию репортера собрать точную информацию, поговорить с людьми и во всем разобраться самостоятельно. Результатом является странная смесь свободы и слежки, сотрудничества и создания помех. Иногда противоположные линии

поведения приводят к противоречиям между самими официальными лицами.

После месяца переговоров с различными министерствами группе американских журналистов было разрешено совершить поездку по Западной Сибири. Мы сидели за столом, уставленным вечными бутылками минеральной воды, и совершенно безуспешно пытались узнать у лысеющего бюрократа, каков же все-таки в Тюмени уровень производства нефти. Он потел, как на допросе, но от ответа все время уходил. В конце концов местный советский тележурналист (явно не просто репортер) перебил его, громко и твердо сказав: «Вы, видимо, неправильно поняли вопрос!» Затем он повторил вопрос таким тоном, что не оставалось сомнения: ответить можно. Ответ был тут же дан.

В сером промышленном городе Улан-Удэ мы пришли на завод строительных конструкций, и директор завода, Владимир Чернобыльский, ударился во впапу и был пойман с поличным. Он сказал нам, что данные о производительности его завода за прошлый год еще не готовы. Мы все прекрасно знали, что эти цифры были уже собраны по всей стране и опубликованы несколько дней назад. Что еще хуже, я успел заметить на стене перед его кабинетом плакат, извещавший о падении уровня производства. Я выдал директору все цифры, тогда он сдался и все нам рассказал. Несколькими днями позже, когда мы собрались уезжать из Улан-Удэ, заведующий отделом образования и науки местного обкома партии Лев Похосоев, очень умный человек, сказал нам, что он сделал выговор Чернобыльскому за неискренность (а скорее — за то, что попался). Могу себе представить изумление директора завода, когда за такие, пусть и неудачные, действия его стали ругать.

Рокаzuна имеет, как правило, более возвышенные цели. Когда президент США Джеральд Форд в 1974 году

приехал во Владивосток, местные руководители решили приукрасить дорогу из аэропорта. Для этого они выселили людей из изб, стоявших вдоль шоссе, и сожгли избы. Затем нарубили в близлежащем лесу елей и воткнули их в глубокий снег вдоль дороги. В 1971 году Норильск посетил премьер-министр Канады Пьер Трюдо. Из московских ресторанов «Прага» и «Метрополь» туда были привезены официанты, которых переодели в куртки с надписью «Норильск»: чтобы походить на местных жителей. Г-н Трюдо объехал весь город, его поездка привлекла внимание огромного числа людей, что, видимо, было ему приятно. Причина же этого внимания была в том, что местные руководители перевезли в Норильск невиданный там большой черный лимузин марки «Чайка». Поэтому местные жители собирались на улицах поглазеть и покричать: «Глядите: «Чайка»! Глядите: «Чайка»!»

* * *

Весьма оригинально в СССР относятся к детям. Ребенка окружают беспрестанным вниманием, как щенка, потерявшегося на перекрестке, и постоянно следят, чтобы он «далеко не уходил». Отношения между поколениями в России можно сравнить с «пеленанием» — традиционным русским способом одевать ребенка, от чего новое поколение родителей постепенно отказывается. Ребенка закутывают в набор ограничений, и эти теплые «пеленки» отнимают у него всякую независимость.

Это видно повсюду: в парках, где родители и бабушки с дедушками с нежным вниманием следят за детьми, постоянно мешая им играть и не давая валяться в грязи, разбить в кровь коленки или просто побыть одному. Как-то солнечным ноябрьским утром я отвел двух своих юных разбойников, Джонатана и Лауру, в

Сокольники. Они уселись около большой лужи, покрытой тонким слоем первого льда, и стали увлеченно отламывать палочкой льдинки и разбивать их об асфальт. Тем временем аккуратно одетые русские дети стояли, как положено, рядом с родителями на берегу пруда и кидали уткам хлебные крошки, даже не пытаясь заняться чем-нибудь необычным. Большая часть детей, что проходили мимо лужи, на моих детей не обращали никакого внимания, и только некоторые украдкой заинтересованно поглядывали: что это они там делают? Подошли два маленьких мальчика, посмотрели и стали на цыпочках приближаться к луже. Один нагнулся и поднял льдинку, стараясь не замочить ноги. Их дедушка, все это время ворчавший, сказал им, что пора домой. Мальчики замялись. Дедушка повернулся и стал уходить со словами: «Ну вы как хотите, а я пошел». Мальчики бросили льдинку и побежали за ним.

До ребенка есть дело каждому. Совершенно знакомые друг другу люди готовы ругаться и спорить по поводу недостаточно тепло одетого или предоставленного самому себе ребенка. Возьмите с собой зимой в Москве свое дитя, оставив открытым кусочек тела, и на вас набросится гневная бабушка, и вы сами почувствуете себя провинившимся ребенком. Когда меня с четырехлетней Лаурой эскалатор вывез из метро на улицу, орлиный глаз какой-то бабушки, стоявшей у выхода, заметил на моей дочери нейлоновую куртку (намного более теплую, чем кажется на первый взгляд). Бабуля сердито посмотрела на меня и заявила: «Молодой человек! Простудите ребенка!» И тут же исчезла, как видение.

Через несколько лет Лаура пошла кататься на коньках на очень милом маленьком пруду рядом с нашим домом. Она была в куртке с вытянутым, похожим на трубу капюшоном. Вдруг я заметил, как к ней подошла

полная бабушка, наклонилась и стала что-то с ней делать. Через несколько секунд очень грустная Лаура подъехала ко мне. Капюшон ее был расстегнут. «Что она сказала тебе?» — спросил я. «Она сказала, что я слишком тепло одета».

В посудном магазине на одного американского дипломата буквально напали, когда он посадил дочь на плечи, чтобы девочка нечаянно чего-нибудь не разбила. По его словам, к нему со всех концов магазина подходили женщины, говоря, что так делать нельзя, что девочка будет сутулиться!

Однажды я увидел двух мальчиков, которые пробрались через сугробы около Кремля. Сгребавшие снег две полные женщины в оранжевых куртках гневно закричали ребятам, чтоб те остановились, вернулись и больше там не ходили. Мальчики не обратили на них никакого внимания и спокойно продолжали свой путь. Поначалу мне это показалось еще одним классическим примером абсурдного запрета: ну почему нельзя ходить возле Кремля? Только-услышав разговор этих двух женщин, я понял причину их беспокойства. Одна сердито сказала второй: «Вот сорванцы, ноги насквозь промочат!»

Забота о ближнем — как во взрослом, так и в ребенке — свойственна всему советскому обществу и является собой смесь природных инстинктов и социальных манер. Как-то у светофора Дебору (жена автора. — *Примеч. перев.*) сурово отчитал водитель остановившейся рядом с нею машины за то, что у нее грязный автомобиль (за это, кстати, вас может оштрафовать милиционер). В дипломатическом зале аэропорта Внуково, когда в Москву в январе 1976 года приехал госсекретарь США Генри Киссинджер, один американский дипломат, политический советник посольства США Маршалл Бремент, получил выговор за то, что стоял на летном поле без шап-

ки. Отругал его министр иностранных дел СССР Андрей Громыко.

Безусловно, все это делается из самых добрых побуждений, особенно если речь идет о детях. Даже самый официальный русский тает при виде маленького ребенка, переходя на чудесный ласковый язык *: «мокренький», «хорошенький» вместо «мокрый», «хороший». Не сосчитать, сколько раз советская таможня пропускала нас без досмотра, если плакали от усталости после долгого полета наши дети. Маленькое, усталое, плачущее лицо служило пропуском в глазах даже самого строгого инспектора.

Все государственные учреждения также очень внимательно относятся к детям. Во время школьных каникул телевидение большую часть дневной программы уделяет им. 106 кукольных театров и 77 цирков устраивают дополнительные дневные представления. В каждом городе огромные средства тратятся на кружки по интересам, секции, музыкальные школы и другие всевозможные формы организации досуга детей. По всей стране в метро висят объявления, призывающие пассажиров уступать места гражданам с детьми и ветеранам. Около крупных вокзалов на стоянке такси есть даже отдельная очередь для родителей с детьми.

В нашем доме дети совершили целый переворот в личности домоуправляющего. Он носил гордое звание «комендант», ходил в форменной куртке, но жалобы на протекающую крышу или неработающее отопление оставял без внимания. Когда же жильцы дома, собравшись, превратили маленькую площадку для автомобилей во дворе в игровую, комендант — по собственной инициативе — проявил просто невероятную актив-

* В английском языке нет уменьшительно-ласкательных суффиксов, аналогичных русским «-чек», «-еньк» и т. д. (Примеч. перев.).

ность. Откуда-то появился целый парк аттракционов: две карусели, качели, скамейки. Все это домоуправляющий с помощью двух рабочих раскрасил в яркие цвета. Когда я стал его благодарить, восхищаясь тем, что он за столь короткий срок сумел все это достать (непростая для СССР задача), он улыбнулся и сказал: «Дети — наше будущее».

* * *

...Вообще, в Советском Союзе все недостатки системы скрыты за глазурью аккуратности и упорядоченности, и ребенку дают мало возможности самовыражаться. Войдите в любой, даже прекрасно оборудованный советский детский сад и вы увидите, что всей деятельностью детей руководит преподаватель. В одном углу большие синие кубы сложены в виде красивой лодки, что пятилетнему ребенку сделать явно не под силу. В другом углу строительные блоки дети используют, чтобы строить город — по рисунку, а не просто складывать самую, самую, самую высокую башню. В уголке природы стоит клетка с попугаем, аквариум с рыбками и несколько цветов в горшках, причем все это так аккуратно, что явно сделано не руками ребенка.

Посторонний человек, зашедший в хороший западный школьный класс, довольно быстро сможет составить себе представление о том, какие в нем учатся дети: читая рассказы, рассматривая рисунки и другие предметы детского творчества, как это привыкли делать американские родители, глядя на акварельные рисунки или портреты одноклассников. В советских же классах на полках и стенках нет ничего, сделанного детьми, и невозможно понять, кто здесь учится.

Школьнику нечасто представляется возможность испачкать руки, занимаясь лепкой или оформлением, скажем, класса. Нет ничего экспериментального, та-

кого, что говорило бы ребенку: «Погляди на меня. Что я такое? Что ты сможешь из меня сделать?» Например, нет стола, на котором бы стояли различные твердые и мягкие предметы — специально для того, чтобы их трогать и обсуждать. Нет стола с детскими книгами, чтобы дети могли при желании подойти и полистать книжку. После нашего визита в детский сад № 104 Дебора заметила, что в саду нет ни одной комнаты, посвященной творческому анализу мира, такой комнаты, где ребенку все бы говорило: «Слушай, твое восприятие так важно!»

Ярче всего стиль образования и предъявляемые к нему требования видны на уроках изобразительного искусства. Основной упор здесь делается на реалистичное рисование или моделирование, часто исходящее из строгого образца. В одной группе все дети лепили совершенно одинаковых пластилиновых петухов. Воспитатель был ими очень доволен. На полке лежали — лежали, а не висели — рисунки вьющегося стебля растения. И вновь все они были одинаковы, за исключением одного довольно патетического наброска. Смущенный директор детсада сказал, что это рисунок новенькой девочки, которая пришла в группу всего несколько дней назад и которая скоро будет рисовать как все. Согласно обычаю, принятому в советских детских учреждениях, рисунки были подписаны не спеша, где подписи могли бы стать заявлением о себе, а на обороте бледным карандашом.

Вообще, учителя испытывают неловкость за рисунки, не похожие на остальные. Мой знакомый, попав в школу на урок рисования, видел, как 30 восьмилетних детей перерисовывали изображение снеговика с такой аккуратностью, как будто копировали через кальку. Один мальчик раскрасил своего снеговика желтым цветом, за что получил строгое замечание от учителя.

В Душанбе мне показали сделанные школьниками аппликации из бархатной бумаги. Все они изображали дерево. К чрезвычайному неудовольствию учительницы, у одного дерева листья были черные. «А, это наш афганец сделал»,— с нервным смешком, как будто по секрету, объяснила она, видимо ожидая, что я ей заговорщически подмигну в ответ: мол, большего от афганца и ожидать нечего.

В упоминавшемся выше детском саду я просматривал пачку рисунков, которые дети сделали на строительной площадке, получив указание рисовать только то, что видят. С разной степенью умения ребята выполнили задание учителя. И только один мальчик внес в свой рисунок замечательный, как мне показалось, элемент выдумки и фантазии: прямо в центре площадки он нарисовал золотоволосую принцессу, похожую на волшебницу. Я показал на нее учителю, который, решив, что мне это не нравится, поспешил заверить меня, что на стройплощадке *действительно* стояла светловолосая девушка.

Фантазия существует в совершенно конкретных образцах: в старинных русских сказках, мультфильмах, цирке, но если дети пытаются фантазировать в рисунках, рассказах или играх, взрослыми это чаще всего не поощряется. Игры в детсадах, видимо, ценятся выше всего, если максимально приближены к реальности. Они задумываются как уроки познания большого мира, а не как попытка дать волю личным чувствам или переживаниям.

Бреннан и Нина Клоуз, отец которых, Кевин, два года работал московским корреспондентом «Вашингтон пост», рассказали мне о своих впечатлениях от двух лет учебы в советской начальной школе. «Они совсем не творческие личности,— сказал мне Бреннан о своих бывших одноклассниках.— Совсем. У них, по-моему,

мало творческого воображения». По его словам, на уроках изобразительного искусства хорошие отметки ставили за две вещи — точность и аккуратность.

Не могу сказать, что происходит в этом отношении в домах, которые в любом обществе необычайно разнообразны в зависимости от интеллектуального уровня и социального поведения хозяев. С огромным удовольствием в СССР читают книги Корнея Чуковского и стихи Пушкина. Но я почти уверен, что родители следуют принципам, разработанным школьными учителями. В ответ на вопрос Деборы, как их дети играют, мы увидели непонимающее выражение лица двух родителей, а ведь спрашивали мы у довольно высокообразованных людей. Несколько раз родители говорили мне, что они специально не дают своим детям фантазировать, как будто фантазия — что-то нездоровое. Возможно, это следствие общей нелюбви к самоанализу. Погружения в подсознание в стиле Достоевского мало популярны в современном советском обществе, за исключением общего интереса к самим классикам, книги которых исчезают с прилавков, не успев на них появиться. В повседневной жизни совсем не прибегают к социологическому и психологическому анализу в воспитании детей, в отличие от традиционного западного интереса к личности. Общее внимание привлечено к внешним проявлениям личности, к ее деятельности, а не к внутренним мотивам, хотя внутри может кипеть котел чувств, которые никому не интересны до тех пор, пока они не начинают выплескиваться через край...

Не разбираясь в мыслительных процессах и не задаваясь целью обсудить проблему, в советских школах все учебные предметы излагают примерно так же, как и рисование в детском саду. Существуют ответы правильные и неправильные. На самых ранних стадиях

развития советские дети учатся узнавать, где — какие... Вообще, в основе советской системы образования лежат уверенность и однозначность, и к окончанию школы многие русские подростки вырабатывают что-то вроде иммунитета к какому-то иному толкованию и неоднозначности.

Я имел возможность убедиться в этом на конкретном примере. Дело было в 10-м классе московской спецшколы. Я увидел — в первый и последний раз за четыре года ходьбы по школам, — как школьников просят думать самостоятельно. Четырнадцать юношей и девушек в комнате чувствовали себя в этой непривычной для них ситуации очень неловко. Их учительница, женщина средних лет, была из тех учителей, которых потом помнишь всю жизнь: веселая, требовательная, полная творческого задора и энергии.

Ее подопечные, дабы попрактиковаться в современном английском, читали роман Артура Хейли «Окончательный диагноз». Они учили язык со второго класса и говорили совершенно свободно. Учительница предложила им рассказать об их личном отношении к героям романа.

«Итак, что вы думаете о поведении доктора Пирсона в этой ситуации?» — спросила она. Школьники были поражены. Все замолчали. Они всматривались в глаза учительницы в поисках ответа на ее же вопрос. Она тоже молчала, только улыбалась. Учащиеся опустили глаза, начали переключать карандаши с места на место. Если бы учительница поставила вопрос так: «Почему он вам нравится?», или: «Почему он вам не нравится?» — был бы лес поднятых рук.

Наконец она подняла с места мальчика и предложила ему ответить. «Он мне не очень нравится, но его поведение мне понятно», — неуверенно начал он. Вслед за ним встала девочка. «Лично я совершенно

не понимаю, почему...» — сказала она, и началось обсуждение. В классе выявились противоположные точки зрения на межличностные отношения, причем учительница не подвергала ни одну из них автократическому анализу на правильность. Ей это, к невероятному удивлению учеников, удалось, после чего она разделила класс на две группы и устроила маленький диспут. Одна половина класса должна была защищать доктора Пирсона, а другая — доктора Коулмана. Два эти персонажа не занимают сколько-нибудь видного места в истории английской литературы, но вполне могут возбудить работу мозга.

Поначалу подросткам было не так-то просто. Они смеялись, отвлекались, стеснялись играть свои роли, подмигивали друг другу, неуверенно формировали мысли, не демонстрируя особого искусства или энтузиазма в споре. Они походили на 17-летних подростков, которые, впервые в жизни встав на коньки и почувствовав, что способны лететь за ветром, вдруг поскользнулись и упали. В конце урока учительница подвела итог: «Надо иногда думать не только о себе, но и о других. Люди старшего возраста и талантливая молодежь должны уважать друг друга». Резко прозвенел звонок, и школьники устремились к двери.

Как показывает неловкость учеников, учительница эта нетипична для советской системы образования. Общий стиль преподавания — педантичность, даже в предметах, свободных от тяжелого груза, который лежит на общественных науках, в частности на истории. Основной метод — выяснить, как усвоен пройденный материал, как будто ученик — это сосуд, который можно в зависимости от воли учителя заполнять знаниями, а затем опустошать его...

Уже во втором классе учат наизусть стихи Пушкина — скорее всего, для того, чтобы взрослые могли

порадоваться, слушая знакомые строчки, произносимые чистым, звонким голосом ребенка, не обремененным невнятным жаргоном взрослой жизни... Как отметил Хедрик Смит в книге «Русские», на протяжении многих лет учат одно и то же: его дочь заставили выучить отрывок из Гоголя, который в свои школьные годы учили два его русских приятеля — одному было 26 лет, а другому — 52 года: «Чуден Днепр при тихой погоде...» Есть старая русская поговорка: повторение — мать учения.

Метод зубрежки применяется во многих областях и приводит к появлению безупречно подготовленных лингвистов, танцовщиков и скрипачей. Если вы, гуляя по московским или ленинградским переулкам, случайно пройдете мимо музыкальной школы, вы вдруг окажетесь в волне очаровательных звуков, смеси нот, гамм и мелодий, исполняемых на уроках фортепиано, флейты, кларнета и скрипки. Семи- и восьмилетние дети старательно ходят после уроков на занятия в музыкальные школы, аккуратно держат виолончели и скрипки, локти и кисти под идеально правильными углами к телу, смычки грациозно двигаются по струнам именно с такой скоростью, с какой это необходимо для данной ноты и громкости звука.

Подавляющее большинство этих детей останутся любителями; заниматься музыкой их уговорили родители, как они когда-то уговорили меня заниматься фортепиано с доброй пожилой женщиной по имени миссис Мерфи. Но нет здесь традиционного американского стремления заниматься весело. Это — серьезное занятие, требующее усилия. Пока ученик не усвоит определенный урок, каким бы скучным он ни был, ни один учитель не разрешит ему сыграть забавную мелодию только лишь потому, что, видите ли, так веселее и интереснее. Не может быть и речи о Моцарте,

пока не усвоены все необходимые этюды. Вознаграждение за труд будет позже, на экзамене, когда ученик блестяще сыграет пьесу под одобрительный шум зрителей — родителей, их детей и нервничающих учителей, которые тоже в этот момент сдают экзамены.

Результаты такого образования нам хорошо известны. СССР славится множеством прекрасных музыкантов, среди которых иногда появляются такие фигуры, как Давид Ойстрах, Мстислав Ростропович и Святослав Рихтер. Однако профессиональные музыканты в США и Израиле, где в последние годы многие советские исполнители начали свою новую карьеру, часто сталкиваются с тем, что игра этих исполнителей пуста и деревянна — абсолютно точна, технически безупречна, но холодна и бесчувственна, ибо педантичность у них победила внутреннюю суть...

Недостатки такого образования не так заметны, когда русские находятся в привычных им условиях советского общества, а не в открытых обществах Запада, куда они эмигрируют... Не всем удастся выполнить предъявляемое там требование — стоять на своих ногах и самостоятельно мыслить. Профессор в Иерусалиме с горечью рассказал мне, что он ведет в группе русских студентов занятия по методике воспитания остальных детей. Его подопечные идеально выполняют все его инструкции, но оказываются не в состоянии предложить оригинальное решение неожиданно возникшей проблемы. Как рассказывал мне один профессор в Тель-Авиве, он издает журнал, где периодически публикует статьи советских эмигрантов, которые постоянно просят у него совета, о чем им написать, уделяя внимание поиску правильной линии поведения, а не правды.

Отличительными чертами мировоззрения становятся страх перед неизвестным, растерянность перед неопределенным. Внешний мир безопасен только тогда, когда

он полностью упорядочен в сознании; внутренний мир хорош лишь при условии, что он лишен неуверенности. Главное — понимать, где и на чем ты стоишь.

* * *

В московском Центральном Дворце пионеров Дебора и я встретились с группой комсомольских активистов. Они в четырнадцать лет вышли из пионерского возраста, вступили в ВЛКСМ, а во Дворце пионеров занимались в кружках по изучению США, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и т. д. Наши юные собеседники принадлежали к наиболее обеспеченному слою советского общества. Принадлежность к нему требует полной политической ортодоксальности, в обмен на которую дети профессоров, ученых и дипломатов получают всевозможные привилегии и следуют за своими родителями, вступая в партию и погружаясь в относительно комфортную жизнь.

Я давно просил советские власти организовать такую встречу. Мне хотелось понять, чем живут советские юноши и девушки, что они думают о мире, что для них важнее всего, что задевает их души. Когда, наконец, я получил «добро» на встречу, меня просто отвезли во Дворец пионеров и усадили во главе длинного стола. Напротив меня сидело человек 50 в возрасте не больше 15—17 лет. Они — совершенно очевидно — хорошо приготовились к нашей встрече. Я — нет.

Сидя за столом, я вглядывался в молодые, чистые, искренние лица моих собеседников. Один из немногих находившихся в комнате взрослых сказал, что можно начинать. На протяжении нашего полуторачасового разговора в комнату входили все новые и новые люди. В общей сложности пришло человек 12 взрослых и очень много молодежи. Значительно позже один русский в неофициальном порядке рассказал мне, что та-

кая встреча — событие беспрецедентное; на его памяти не было ни одного случая, когда американскому журналисту разрешили бы встретиться с группой комсомольских активистов и говорить с ними о том, о чем он сочтет нужным. Принято считать, что слишком велик риск заразиться чужеродными идеями, а люди в таком возрасте считаются особенно впечатлительными. Мне показалось, что те немногие из бывших на встрече, которые вообще что-либо говорили, достаточно безразлично относились к любым точкам зрения, отличным от их собственной. Правда, чтобы контролировать, что это так будет на протяжении всей встречи, рядом со мной сидел человек средних лет — идеологический руководитель группы, заведующий отделом астрофизики, который выполнял функции сторожа и на всем протяжении разговора вставлял тенденциозные замечания.

Я спросил моих собеседников, изменилась бы их жизнь, если бы они уехали жить в США? Никто даже и не попытался ответить. Я прекрасно понимал их чувства застенчивости и страха перед сторожем. Поэтому обратился с тем же вопросом к девушке, сказавшей, что она занимается в кружке по изучению США. Она ответила, что ее жизнь будет зависеть от финансового положения той американской семьи, в которую она попадет. Если оно будет хорошим, то жизнь ее будет примерно такая же, как и в СССР. Я попытался получить ответ по какому-нибудь другому аспекту этой проблемы, а не только экономическому. Желающих выступить не нашлось.

«Какие пороки этого мира вы бы хотели исправить?» — задал я следующий вопрос. После секундного замешательства ответы посыпались один за другим, и все — вдоль линий, давно проведенных советской прессой. «Диктаторские режимы, лишение человека его элементарных прав, как в Чили и Родезии», — сказал

один мальчик. «Дискриминацию, как, например, против народа Палестины»,— ответил другой. «Войну,— сказала девочка.— Если она начнется, то погибнет все живое на Земле. У США столько никому не нужного оружия, а люди с голода умирают». «Безработицу»,— произнес один мальчик, имея в виду безработицу в «капиталистических странах». «Расовую дискриминацию». «Рост преступности в США и других западных государствах: убийства, грабежи»,— произнес новый выступавший. «Делом надо заниматься, а не преступлениями»,— заявил другой мальчик, а его товарищ добавил: «В Западной Европе и Америке вновь возникает фашизм, и настало время демократических реформ».

Я обратил внимание моих собеседников на то, что они говорили о проблемах только западной жизни, а не в своей собственной стране, и спросил: «А что бы вы хотели исправить у себя?» Молчание. «Неужели вы не хотите сделать ваше общество еще лучше?» — продолжал я спрашивать у будущих представителей правящей элиты. Наконец один мальчик сказал: «Надо построить коммунизм». Больше от них по этому поводу я не услышал ни слова. Сидевшая рядом со мной Дебора вглядывалась в лица ребят — ни на одном не было даже тени желания ответить.

Тогда я спросил, чем они занимаются в своих кружках. Девочка из латиноамериканского кружка рассказала, что они пытаются глубже разобраться в происходящих в мире процессах, в особенности экономических. Она все время говорила о солидарности с народами Латинской Америки. «А в чем проявляется ваша солидарность?» — поинтересовался я. «Дети продавали сувениры, чтобы собрать деньги для латиноамериканских коммунистов. Послали подарки на фестиваль в Гавану,— пояснил один мальчик.— Была

проведена кампания солидарности с Дином Ридом» (американским фолк-певцом, как оказалось, очень популярным в коммунистическом мире, но никому не известным в США. Он поддерживает компартию Чили, живет в восточном Берлине и гастролирует с концертами по Восточной Европе и Советскому Союзу, приводя молодежь в полный восторг. Стоит ему только приехать в США и попасть за решетку за участие в какой-нибудь демонстрации, он сразу становится *cause célèbre* (знаменитым.— *Примеч. перев.*) на страницах «Правды», являя собой новое доказательство репрессивности американского режима по отношению к инакомыслящим. Этого певца недавно арестовали за пребывание на частной территории во время демонстрации). Одна девочка гордо сказала: «Мы (Дин Рид трагически погиб в июне 1986 года.— *Примеч. перев.*) собрали десять тысяч подписей в поддержку Дина Рида. А еще у нас проводится кампания солидарности с коммунистами Чили. Мы в феврале звонили в Чили и сказали им о нашей поддержке их борьбы».

Дебора шепотом предложила мне возможный вопрос, и я спросил: «У вас когда-нибудь бывают разногласия с родителями по политическим проблемам?» Все покачали головой: «Нет». — «А с друзьями?» — «Нет, никогда». — «Но политические-то вопросы вы обсуждаете?» — «Да, но разногласий не бывает никогда». Я попросил поднять руки тех, кто все-таки не соглашался с родителями. Ни одного человека. Я засмеялся и сказал, что они, наверное, единственные дети во всем мире, которые никогда не спорят с родителями.

«Кто ваши кумиры?» — поинтересовался я. Длинное молчание, перешедшее в чувство общей неловкости. Наконец мальчик, говоривший о своем желании «строить коммунизм», произнес: «Ленин». Снова молчание. Я оглядел комнату. Взрослым стало явно не по себе.

Девочка из латиноамериканского кружка сказала: «Фидель Кастро и Че Гевара». И снова — тишина. «А кто еще?» — не успокаивался я. Молчание.

Я предложил им задавать вопросы мне. Кто-то спросил о положении в мире. Я сказал, что, по-моему, обе сверхдержавы играют в очень опасную игру, продавая оружие и соперничая из-за сфер влияния в «третьем мире», раздувая региональные конфликты, никому, особенно местному населению, не принося никакой пользы. Реакцией на мои слова был общий шок и негодование по поводу того, что я поставил на одну доску СССР и США: «Соединенные Штаты занимаются такими вещами, но мы, русские, — нет». Мальчик с чуть пробивающимися усиками набросился на меня: «США — империалистическая страна, сосущая кровь из небольших, слабых государств, отнимающая у них урожай и ничего не дающая взамен. Напротив, СССР чем может помогает этим странам. Посмотрите, как отстали в экономическом отношении страны, которые пользуются поддержкой США: Южная Корея, например, или Филиппины — это же просто колония США». «Сторож», сидевший слева от меня, похвалил мальчика: «Молодец!» Я предположил, что ни США, ни СССР не действуют из чисто альтруистических побуждений. Мальчик парировал тем, что СССР часто ничего, кроме неблагодарности, за свою помощь не получает. Например, сказал он, Египет отвернулся от нас и отказался сотрудничать. Он также упомянул Кубу, которая стоит его стране много денег. Может быть, предположил я, СССР что-то получил от Кубы взамен. «Что-то?» — умехнулся «сторож». «Ну да, — сказал я, — например, ремонтную базу для советских подводных лодок, воздушные базы всего в 90 милях от территории США, живую силу для ведения военных операций в Африке».

Моя слабая попытка объяснить, что наши государства никогда не действуют просто из добрых побуждений, вызвала вспышку изумления и негодования, боли и раздражения. Невольно я кинул вызов фундаментальному видению мира, аккуратно разделенного на хороших и плохих; и взрослые, и дети отчаянно боролись за то, чтобы сохранить в целостности такой образ. Как это напоминало мне мои собственные взгляды 50-х годов, когда мой мир, мир подростка, был поделен пополам железным занавесом, а Америка казалась оплотом нравственности! В этой комнате на меня с полным недоумением смотрело зеркальное отражение того наивного и милого времени.

Разговор переходил от темы к теме. Я привел моим собеседникам пример оппортунизма в международных отношениях: несколькими годами ранее США поддерживали Эфиопию, а СССР — Сомали. Затем Эфиопия переметнулась на другую «сторону» и сверхдержавы сменили клиентов. При этом Сомали, новый «друг» США, использовал советское оружие для нападения на Эфиопию (возгласы недоверчивого недоумения).

Мои собеседники не просто играли, они набрасывались на меня с враждебными вопросами, декларативными заявлениями, пытались набрать очков в споре, а не обменяться мнениями. «Сторож» их подгонял, пытаясь заставить делать буквально экстремистские, полные ненависти к США заявления. Безусловно, их удивила моя готовность критиковать как СССР, так и США; я не подходил под стереотип пропагандиста. И постепенно их запал стал уступать место интересу: изменился характер вопросов, ребята стали спрашивать об американском образе жизни, о наркомании, о молодежи, о реакции американцев на войну во Вьетнаме, о Ближнем Востоке, об ограничении вооружений.

«А каковы причины столь высокого уровня преступности и наркомании?» — спросил один мальчик. «Сторож» ответил, что это — следствие бедности низших классов. Я дополнил, сказав, что это только часть ответа, никак не объясняющая феномен наркомании среди благополучного среднего класса, что точного ответа у нас нет, как нет и объяснения проблемам с преступностью в СССР. «Ну у нас преступности не так уж и много», — сказал «сторож». Я возразил, заявив, что немного занимался этой проблемой и выяснил, что в Москве серьезно стоит вопрос с подростковой преступностью. «Да, как же!» — усмехнулись дети. «Например, — продолжил я, — у меня украли довольно много вещей, и потом был случай, когда три подростка забрались в фургон в Бресте...»

«Сторож» тут же поднял с места мальчика, который заявил, что уровень преступности в СССР значительно ниже, чем в США.

Возможно, сказал я, но точно этого никто не знает. Советские власти не публикуют статистики по преступности. «Нет, ну можно же найти данные», — сказал мальчик, столь невинный в своем заблуждении насчет своей страны. Я объяснил, что нельзя. Я пробовал, и Министерство внутренних дел мне официально заявило, что статистика данных по преступности считается государственной тайной. Мальчик был очень удивлен, и мы сменили тему разговора.

Дебора следила за выражением лиц ребят. Им было интересно, они были просто поражены, рассказывала она мне после встречи, но ни в одном лице не увидела она даже тени согласия со мной. Группа ребят вынуждена была уйти, чтобы присутствовать на другой встрече, и уходили они с явной неохотой. Однако общая атмосфера была столь враждебна, что Юрий Демин, представитель молодежного комитета, организовавшего эту

встречу, решил в конце ее прочесть детям небольшую лекцию-внушение.

Он сказал, что я гость, поэтому меня нужно уважать и обращаться со мной вежливо, даже если ребята не согласны со мной. Кроме того, когда я спрашивал их о проблемах в СССР, следовало честно отвечать. Как же они могли сказать, что у нас нет никаких проблем? Он только вчера купил ручку, а сегодня она сломалась. Большая проблема — качество. «А, качество!» — повторили они все, сразу узнав слово, ежедневно повторяемое средствами массовой информации в критических материалах об экономических трудностях. «Качество» — слово разрешенное, обобщающее проблемы общества. И, наконец, Демин отругал их за неискренность по поводу разногласий с родителями. «У всех детей бывают с родителями разногласия», — сказал он.

* * *

В советском обществе фантазии должны обязательно содержать в себе элементы коллективистской этики. Личные потребности да и сама личность в определенном кругу людей (в школьном классе, цехе на заводе, в отделе, в институте) или в обществе вообще — это не просто кусочек из Маркса и Энгельса, отполированный Лениным и торчащий, как заноза, в теле русского человека. Эта концепция внедрена в ценностную структуру с такой тщательностью, что попытка ее опровергнуть вызывает у многих искреннее отвращение. Если ученый пошел против всех и просит денег под свои неортодоксальные эксперименты, его скорее всего сочтут эгоистом и старательность его не поймут. Именно так произошло с одним моим знакомым, который разработал методику вживления искусственного хрусталика в поврежденный в результате

ожога или катаракты глаз. Когда он был молодым ученым, он зашел слишком далеко в своих исследованиях, его лабораторных кроликов по приказу сверху убили, а его самого перевели в маленький сибирский городок. Через много лет он с огромным трудом добился возможности вернуться в научный истеблишмент и теперь является ведущим хирургом-офтальмологом, директором института. Если архитектор создал новаторский проект, он скорее всего по политическим соображениям откажется от авторства, только бы его не обвинили в том, что он всю честь создания проекта приписывает себе. Так было в Мурманске, где строили микрорайоны в форме подковы, расположенной таким образом, чтобы образовать надежную защиту от постоянного зимнего ветра: под защитой этих стен сооружали школы и игровые площадки. Придумавший все это архитектор благородно отказался от авторства. «Эту идею нам продиктовала сама наука», — заявил он. Заведующий отделом международной информации МИДа Всеволод Софинский объяснил нам, почему официальные лица так редко дают интервью: «Это считается нескромным, чем-то вроде саморекламы».

Подобное навязанное самоунижение, безусловно, есть способ общественного контроля, но оно, кроме этого, прекрасно вписывается в советские представления о хорошем вкусе и правильном поведении. Диссиденты, будущие эмигранты, меняющие гражданство балерины и шахматисты не только нарушают довольно загадочные принципы патриотизма своей страны, но и допускают грех самовозвеличивания, т. е. рассматривают себя выше и вне коллектива. Это оскорбление элементарной нравственности, а нравственность эту мало кто из русских ставит под сомнение. Многие готовы поверить публикуемым в «Правде» и «Известиях» официальным обвинениям, согласно кото-

рым тот, кто критикует положение вещей в стране или просто собирается уехать, стремится лишь к личной славе и материальным благам. В более мягкой форме то же самое обвинение часто применяют к вполне лояльным гражданам, которые на своем рабочем месте тихо жалуются на некачественное изделие или несправедливое решение. «Вы что, хотите к себе привлечь внимание?» — скажут им. Кроме того, если юноша, заканчивая школу, захочет немного подзаработать себе на карманные расходы, на него посмотрят с очень большим неудовольствием, а родителей его сочтут некультурными людьми. Это положение вещей постепенно меняется к лучшему, но согласно старым этическим нормам, пока что имеющим силу во многих домах, все заработанные деньги есть общая собственность и дети обязаны свою получку вносить в общий котел, т. е. отдавать родителям. Любой малыш, который попробует на американский манер установить свою собственную стойку по продаже лимонада, чтобы попробовать себя в частном предпринимательстве, будет сурово выруган за то, что пытался заниматься таким одновременно нехорошим и частным делом.

У меня есть друг — не член партии, но один из многих истинно убежденных марксистов, которых я встречал в СССР. Он как-то привел мне старую русскую пословицу, по его словам, идеально выражающую суть коллективизма: «На пшеничном поле поверх остальных — только пустой колос стоит». С его точки зрения, это очень глубокая мысль, затрагивающая самую суть человеческой деятельности, отражающая трансцендентальность традиционных общинных призывов по сравнению с современной коммунистической доктриной, т. е. укрепляющая идеологию коллективизма на русской почве...

В наши дни коллективистская этика выражается

и в неявной форме, и в конкретных чертах социальной и экономической организации общества. На работе, на транспорте, даже в прогулках по лесу русские собираются в кучу, находя успокоение в толкании друг друга, неизбежном в переполненном магазине или в маленькой квартире. Не говоря уже об общем напряжении, которое создает эта привычка, а также о трудностях новобранных, вынужденных жить с родителями под взаимным наблюдением друг друга, возникает даже некоторый вкус к межличностным контактам и определенное чувство общности...

Одиночества мало кто ищет. По воскресеньям в лесах Подмосковья группами по 20—30 человек ходят туристы, ради этого организуя целые клубы. «А вы что, одна или там с двумя-тремя подружками никогда не ходите?» — спросил я у женщины средних лет.

Вопрос очень смутил ее. Люди, с которыми она ходила в турпоходы, ей нравились, и разговаривать с ними нравилось. «Это же коллектив», — сказала она.

Слово «коллектив» стало палочкой-выручалочкой. На работе, в школе или на конвейере человек должен по идее, не выставляя острых локтей, влиться в коллектив. Если же он этого не делает, если у него есть симпатии и антипатии, если он молчун, застенчив или талантлив и скрывает это, если он не ходит выпивать с друзьями, если он по каким-то причинам не нравится людям, о нем начинают говорить, что он не вписывается в коллектив, т. е. что он, в общем-то, не на своем месте. Начаться это может с мелкого спора, со столкновения личностей и перейти к страшному оскорблению типа «плохой коллективист», а это пятно ничем не отмоешь...

Сила коллективистской этики была продемонстрирована в 1966 году в ходе очень интересного исследования сравнительной значимости авторитета группы

для личности в СССР, США, Великобритании и ФРГ. Как выяснилось, советские школьники очень большое значение придают тому, как их одноклассники оценят их хорошее поведение.

Результаты приведены в книге Урии Бронфенбреннера «СССР и США: два мира детства». Он возглавлял группу исследователей, которые в каждой стране отобрали по 150 12-летних детей и предложили им набор ситуаций, в которых дети должны были выбрать между правильным и неправильным поведением, например: обман на контрольной или сокрытие факта порчи чьего-либо имущества. Тесты проводили при трех различных условиях. В первой ситуации детям говорили, что результаты их деятельности никто не узнает — ни родители, ни учителя, ни одноклассники, и что их ответы в анонимном порядке занесут в компьютер. Во второй — что их ответы станут известны на родительском собрании, но одноклассники о них не узнают; в третьей — что узнают только одноклассники, а не родители или учителя.

Как отмечает в своей книге Бронфенбреннер, «результаты показывают, что во всех трех ситуациях советские дети *гораздо менее охотно* идут на антиобщественное, неправильное поведение, чем их сверстники из западных стран. Кроме того, эффект группы имел на советских детей влияние совсем отличное от того, какое он имел на американских ребят. Если американским детям говорили, что их одноклассники обо всем узнают, они с еще большей охотой шли на неправильные поступки. Советские же подростки проявили прямо противоположную тенденцию. На самом деле их одноклассники были для них так же важны, как и родители и учителя, в плане выбора правильного поведения. Советские подростки, как показано было в параллельном исследовании, наибольшее значе-

ние по сравнению с другими группами детей придавали внешней правильности — т. е. аккуратной одежде, соблюдению порядка и хорошему поведению и значительно меньше, чем дети из других стран, тому, что надо говорить правду и искать интеллектуального взаимопонимания».

...Итак, эти результаты показывают, как жизненно важен коллективизм в формальной системе ценностей, и оставляют открытым вопрос, в какой степени он определяет поведение. По этому поводу мои сведения довольно противоречивы. В некоторых школах я обнаруживал явное нежелание использовать коллектив в качестве инструмента для установления дисциплины. А в других учреждениях молодые люди объясняли мне, что их старшие товарищи имеют в своих руках всю необходимую власть и авторитет, чтобы вызвать правильное поведение и привычку к хорошей учебе. «Коллектив куда более важен, чем родители, — сказал мне студент-юрист. — Нам гораздо важнее, что о нас думают в коллективе, чем что о нас думают родители». В средних школах в повседневной практике используется коллективное «уговаривание», рассказал он мне, а в случае необходимости — и коллективное «наказание»...

Представление о том, что коллектив поднимает и воспитывает в человеке его лучшие качества, занимает важное место в системе советской этики. Даже если в кинематографе и в театре показывают разрушительную силу коллектива, все время остается впечатление, что было извращено нечто весьма благородное. Идею коллективизма не критикуют никогда: западные ценности индивидуализма никогда не имеют первостепенного значения. Считается, что коллектив — огромная сила, если ее правильно применять. Этот тезис, безусловно, на руку советской политике лакирования реальности слоем тщательно отполированного оптимизма.

Важным моментом этой концепции является, в частности, то, что за поведение и успехи ребенка отвечают и учителя и родители... Вообще, в школе деятельность ребенка очень тесно связывают с его родителями... Советские классные комнаты выглядят нешуточными помещениями для изучения основ чтения, письма и арифметики: твердые старые парты и скамейки прикреплены к полу строгими рядами; стены увешаны лозунгами и портретами. Пять или шесть раз в году класс заполняется родителями, которые садятся за парты, как дети, и слушают сообщение учителя о том, как эти дети учатся и ведут себя.

Институт открытого родительского собрания резко разделяет советское и американское общество, ибо, даже если некоторые учителя более жестоко раскрывают грехи ребенка всем родителям его класса, чести личной, уединенной встречи с учителем в американском стиле никто из советских родителей не удостоивается. Уйти от этого нельзя. Ирина Макклеллан (русская учительница английского языка, вышедшая замуж за американца.— *Примеч. перев.*) испытала на себе и родительскую, и учительскую долю и считает, что эта система ужасна. «Родители боятся,— сказала она с раздражением в голосе.— Они боятся ходить на собрания, потому что они себя там чувствуют, как дети».

Элизу и Кевина Клоузов этот процесс невероятно заинтересовал. Прочитав фамилии хорошо и плохо успевающих учеников, учительница каждому родителю по очереди рассказывает о пороках его ребенка. «Родители трудных детей вставали один за одним и пытались хоть что-то объяснить,— рассказал Кевин.— Они даже стояли за партами, мы просто вынуждены были, совсем как маленькие, втиснуться за парту, а потом встать и попытаться хоть как-то объяснить учителю, в чем проблема и почему такой-то и такой-то ребенок плохо

учится. Например, «поздно прихожу с работы», «бабушка приболела» или еще что-нибудь в том же духе. Это меня невероятно удивило — так просто говорить о таких глубоко личных вещах на глазах у всех...»

«Ну было и кое-что другое,— сказала Элиза.— Некоторые родители начали жаловаться, что заболел учитель английского языка и вместо него прислали непрофессионала. Родители стали говорить: «А кто детей учить будет? Английский в этой школе — важный предмет, мы хотим, чтобы был хороший учитель». Все закричали: «Хотим!»

* * *

Никогда не знаешь, когда представится возможность познакомиться с неизвестными тебе до этого сторонами советской жизни. В моей квартире и в бюро «Таймс» очень часто звонил телефон. Незнакомые люди просили встретиться с ними. Чаще всего они отказывались назвать свое имя и вообще говорить по телефону. Я, как правило, соглашался на встречу. Большинство из них — это потерявшие всякую надежду люди, для которых американская пресса — последний шанс. Другие были просто сумасшедшие.

Однажды мне позвонила женщина и официальным голосом сообщила, что композитор Иосиф Аршакович Андрасян написал статью для «Нью-Йорк таймс». Не могу ли я ее забрать? Я решил, что говорю с его секретаршей, и поехал по указанному ею адресу. Выяснилось, что там была не контора или студия Андрасяна, как я предполагал, а квартира, и женщина эта была его жена. Андрасян оказался полным, дружелюбным человеком. Он усадил меня в гостиной и упросил прочесть длинное заявление — напечатанную по-русски через один интервал на машинке декларацию, содержащую жалобы на то, что ему не дают уехать в его родной го-

род Ереван, что в его квартире невозможно сочинять музыку и т. д. Когда я все это прочел, он стал излагать мне свои проблемы. Во-первых, он открыл концепцию нравственности в музыке. Это открытие было сделано, когда он сочинял свою вторую симфонию, и он написал про это целую книгу. Тут композитор принялся нараспев читать из массивной рукописи. По его словам, он послал эту книгу знакомому приятеля дальнего родственника кого-то из членов Политбюро, и отрывок из нее украл Брежнев, используя в одной из своих речей... «Украл?» — «Да, да, вот этот кусок,— ответил он, размахивая пачкой листов,— но он же все переврал!»

Я встал и собрался уходить, но Андрасян сказал, что это еще не все. «Меня поселили прямо рядом с заводом,— заявил он, широким жестом указывая на окно,— а там одна машина стучит со скоростью 40 ударов в минуту — «бам, бам, бам, бам», а еще какая-то машина жужжит «вж-ж-ж-ж», точно на ноте «ре» второй октавы. Можно в таких условиях сочинять музыку?» Я прислушался. Дело было сразу после полудня в будний день. Я ничего не услышал. В комнате было так тихо, как вообще только может быть в советской квартире. Он увидел удивление на моем лице и сказал: «Ну там же знают, что вы пришли, поэтому все машины выключили».

Стивен Козн — виднейший американский советолог, автор вышедшей у нас книги о Бухарине, в дополнительных рекомендациях не нуждается. Во время своего пребывания в Москве летом 1989 года м-р Козн любезно согласился написать краткое предисловие к тем четырем отрывкам из его книги «Советикус», которые мы включили в предлагаемый сборник. Хотелось бы только обратить внимание читателей на то, что эти полные искреннего дружелюбия очерки Козн написал в 1982—1985 годах, когда отношения между нашими странами были достаточно напряжены.

Стивен Козн

Американское восприятие и советская реальность

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Советские читатели знают меня скорее всего как ученого и автора книги-исследования «Бухарин: политическая биография, 1888—1938», изданной в Москве в 1989 году. В Соединенных Штатах я, кроме этого, занимаюсь

еще и тем, что в СССР называют «публицистикой» (точно перевести это слово на английский язык нельзя). В 1982 году в нью-йоркском еженедельнике «Нейшн» я начал вести ежемесячную колонку обозревателя под названием «Советикус»; она была посвящена всему, что связано с Советским Союзом. Многие мои заметки из этой колонки были перепечатаны в американских и западноевропейских газетах. В 1985 году я издал книгу — сборник этих заметок; второе, дополненное издание вышло в свет в 1986 году. Книга состоит из четырех разделов, названия которых я приведу, чтобы читатели смогли составить представление о тех вопросах, которые я затрагивал в своих заметках: «Американское восприятие СССР и советская реальность», «От Сталина до Горбачева», «Жертвы и диссиденты», «Холодная война» и ядерная опасность».

Перепечатываемые здесь четыре заметки взяты из первого раздела; каждая из них в той или иной форме подвергает критике то, как американские средства массовой информации освещают жизнь в СССР. Поэтому в заметках многое говорится не только об СССР, но и о США. Я писал эти заметки несколько лет назад, некоторые факты устарели. Так, к примеру, Лена Карпинского восстановили в членах КПСС в 1988 году, а Борис Ельцин — уже не кандидат в члены Политбюро. Справедливости ради должен отметить, что освещение СССР в американских средствах массовой информации, как и отношение американцев к СССР в целом, значительно изменилось после того, как в Москве в 1985 году начались гласность и перестройка. Американцы стали относиться к СССР более сбалансированно, объективно, оптимистично и с меньшей долей предубежденности.

Но в то же время необходимо быть реалистичными. За четыре года проведения политики гласности и перестройки, а также улучшения в отношениях между

США и СССР невозможно отменить наследство 70 лет господства догм «холодной войны» в обеих наших странах. Поэтому, хотя со времени публикации этих заметок произошло много изменений к лучшему, вопросы, которые я поднял в них, по-прежнему актуальны. Помимо всего прочего они напоминают нам о том, каковы были отношения между нашими странами всего несколько лет назад и сколько же обеим нашим странам надо еще сделать, чтобы прийти к отношениям, основанным на взаимной безопасности и здравом смысле.

Стивен Коэн. Москва, июнь 1989 года

Советофобия: советская проблема номер два

У Соединенных Штатов есть две проблемы, связанные с Советским Союзом. Первая — это реальная, но вполне разрешимая проблема советской угрозы нашей государственной безопасности и международным интересам.

Вторая проблема намного серьезнее: это советофобия, т. е. чрезмерная, преувеличенная боязнь советской угрозы. Советофобия — застарелая болезнь американской политики, ставящая под удар демократические ценности, нарушает бюджетные приоритеты и увеличивает вероятность ядерной войны, угрожая нашей государственной безопасности.

Основные симптомы советофобии — милитаристский подход к советско-американским отношениям, паникерские заявления о намерениях и возможностях Советов, а также безответственные тезисы о том, что США находятся в опасности из-за стратегического отставания.

После периода относительного затишья в 60-е и в начале 70-х годов советофобия появилась снова, причем в форме более опасной, чем в ходе первой эпидемии «холодной войны». Именно она была тем мало обсуждавшимся политическим фактором, вызвавшим переход первой администрации Рейгана от политики ядерного разоружения к политике «ядерных боевых действий», определившим ее экстравагантный военный бюджет и появление безосновательной идеи системы полной защиты от ракет.

Общественность легкомысленно обсуждала финансовые и технологические достоинства этих невиданных военных проектов вместо того, чтобы обратить внимание на угрожающие политические мотивы, которые вызвали их появление.

Все свидетельствует о том, что политические цели, определявшие американскую стратегическую доктрину начиная с 40-х годов, а именно — мирное сосуществование и разрядку, — администрация Рейгана подменила целью, совершенно противоположной: уничтожить Советский Союз как мировую супердержаву, а возможно — и разрушить всю коммунистическую систему. Вот в чем смысл постоянных заявлений Рейгана о «дестабилизации», «преобладании над империей зла» и явного нежелания президента вести переговоры о сокращении стратегических вооружений. Следствием этого явилось нарушение ядерного паритета и возрождение смертельной формы советофобии: бессмысленной погони за военным превосходством.

Единственное средство от периодических вспышек советофобии — считать ее не нормальной, а патологической реакцией на СССР. Несмотря на то что внутренняя политика СССР репрессивна, а во внешней политике Советский Союз являет собой весьма опасного противника, даже самые настораживающие его дейст-

вия не объясняют преувеличенной реакции американской стороны.

Сегодняшняя волна советофобии началась в конце 70-х годов — началась с заявлений, что Советский Союз предательски сорвал процесс разрядки, укрепив свои Вооруженные Силы, а также вторгшись в Афганистан в 1979 году. Однако процесс развития ВС ожидался уже довольно давно — во исполнение широко объявленного советского намерения достичь стратегического паритета с США. Вторжение в Афганистан не имеет себе оправданий, но оно произошло в тот период, когда процесс разрядки находился в глубоком кризисе, вызванном нашими же действиями.

Таким образом, существует очевидное несоответствие между американским восприятием СССР и советской реальностью. Американцы, как правило, видят в СССР то, что хотят увидеть. Террористический режим Сталина 30-х годов завоевал массу почитателей в Америке, в то время как значительно менее репрессивный режим Брежнева — практически ни одного. В 50-е годы мы преувеличили экономические возможности СССР — теперь мы их недооцениваем. Вопреки фактам советофобы настаивают, что со времен Сталина в советской системе не произошло изменений к лучшему, а если что и произошло, то лишь новые ужесточения. И действительно, никто не хвалит руководителей СССР за то, что начиная с 1917 года они позволили эмигрировать 260 тысячам советских евреев; напротив, их осуждают за то, что они не дали выехать еще большему числу людей.

Ошибки восприятия становятся особенно опасны, когда речь заходит о внешней политике СССР. Администрация Картера — вопреки всякой логике — приняла вторжение в Афганистан за наступление на Персидский залив, ошибочно решив, что СССР в скором вре-

мне понадобится иностранная нефть. Этот мрачный сценарий забыт, но последствия его живут — в наших измененных к худшему стратегических доктринах, огромном военном бюджете, в нератифицированном договоре ОСВ-2.

Истинная причина советофобии более фундаментальна: в отличие от большинства других стран Соединенные Штаты до сих пор в полной мере не признали, что Советский Союз — независимо от их желания — стал вполне реальной великой сверхдержавой, интересы и запросы которой в мировой политике сопоставимы с их собственными. Признание политического равенства с СССР логически приводит к необходимости ядерных соглашений, основанных на ядерном паритете, и к неизбежности разрядки. Отрицание же этого статуса приводит — как и всегда приводило — к погоне за иллюзорным военным превосходством и тому подобными антисоветскими целями.

Исходная позиция президента Рейгана ясна: Советский Союз есть «средоточие зла в современном мире», то есть незаконно существующая сила. Но было бы неправильно и несправедливо связывать эту точку зрения только лишь с самим президентом и с Республиканской партией. В течение 70-х годов демократы правого толка были противниками всех проявлений разрядки, включая договор ОСВ-2. Проблема имеет корни о обоих лагерях, и смена руководства вряд ли ее решит.

На самом деле США сейчас нужна дискуссия по одному центральному — почти что запретному — вопросу: готовы ли мы после трех десятилетий политического превосходства признать в СССР равную себе державу, имеющую законное право на существование? В нашей стране подобной дискуссии не было никогда, возможно, потому, что те политические и общественные деятели, от которых зависит положительный ответ, до сих пор

боятся советофобских обвинений в «примирении», «излишней уступчивости коммунистам» и т. п.

Этим людям, «определяющим общественное мнение», должен придать смелости тот факт, что большинство американцев, несмотря на их неприязнь к СССР и податливость политическому запугиванию, всегда поддерживали идею заключения договора о стратегических ядерных вооружениях (обзор опросов общественного мнения, дающий ценную информацию по этому вопросу, приведен в журнале «Public Opinion Quarterly». Summer, 1983). На самом деле опрос, проведенный службой Харриса в 1982 году, выявил, что 86 процентов опрошенных американцев высказываются за заключение такого договора, а 83 процента желают улучшения отношений с СССР.

Таким образом, американский народ готов сосуществовать с Советским Союзом как со сверхдержавой. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что американцы хотят реалистичной политики своего руководства, а не советофобии. Помимо всех остальных вопросов наши настоящие и будущие кандидаты на пост президента должны изложить нам свою позицию по обеим советским проблемам.

9 апреля 1983 года

Социалистическая система СССР: кризис или стабильность?

Примерно один раз на протяжении жизни поколения общественное мнение Запада распространяет очередной миф об СССР. Миф нашего времени — миф «о провале и кризисе» социалистической системы в Советском Союзе. Недавно Флора Льюис писала в «Нью-Йорк

таймс»: «Единственным успехом советской системы стало построение мощной военной машины, а во всех остальных областях она не сдержала свои обещания». Эта точка зрения принимается всевозрастающим числом американцев, придерживающихся как правых, так и левых убеждений, включая даже некоторых советологов, которым следовало бы более глубоко разобраться в этом вопросе.

Если бы образ истерзанного кризисами советского режима, колеблющегося на краю пропасти, не был столь опасен, его можно было бы отвергнуть как малозначительный пример неразумия. К сожалению, образ этот лежит в основе концепции, столь популярной у администрации Рейгана и в других влиятельных кругах, согласно которой американская политика гонки вооружений и отчаянной экономической войны разрушит СССР или «поставит его на колени». Всякий, кто критически относится к этой апокалипсической точке зрения, рискует оказаться причисленным к «примиренцам» или к «угодникам Советов».

В свое время излюбленной фантазией ультраправых был миф о советской системе, находящейся на грани разрушения. Его созданию способствовали несколько факторов. Первый — реакция на явно преувеличенные достижения СССР сначала в 30-е годы, а затем — в 1957 году, после запуска спутника. Второй — преобладание ошибочной точки зрения, согласно которой сейчас в СССР происходит то же самое, что и в Польше. Третий — начатое в 70-е годы западными средствами массовой информации широкое освещение жизни в СССР, в ходе которого основное внимание уделялось внутренним трудностям страны, а не ее достижениям.

Вот несколько характерных примеров: руководителям СССР действительно приходится решать проблемы снижения уровня промышленного производства, низкой

производительности сельского хозяйства, растущей потребности в конвертируемой валюте для закупок зерна за рубежом, а также возросших трудностей, возникших в связи с продажей нефти за эту валюту. Однако в то же время справедливо и то, что валовой национальный продукт СССР увеличился в 4 раза за период с 1950 по 1980 год; что урожай 1983 года был лучшим за последние 5 лет; что Советскому Союзу дешевле ввозить зерно из-за рубежа, чем производить его больше у себя дома; что советские поставки нефти за границу в последнее время возросли на 40 процентов.

Однако самую большую дезинформацию содержит заявление о том, что коммунистическая система в СССР не выполнила данных ею некогда обещаний. Сторонники этой точки зрения утверждают, что, не имея никаких реальных достижений, система государственной власти довела отчуждение советских граждан до уровня индифферентности или даже открытого восстания; что, таким образом, правительство совершенно не имеет связи с народом и существует в основном за счет своей военной мощи и аппарата подавления.

За годы поездок в СССР и изучения этой страны, в ходе многочисленных бесед с рядом здравомыслящих диссидентов я не получил ни одного реального подтверждения вышеуказанной схемы. И не надо думать, что она может быть верна для других долгоживущих политических систем, которые на самом деле всегда ищут новые источники стабильности даже при неизменных внутренних условиях. Все политические системы — даже столь репрессивные, как советская, — существуют за счет определенного общественного договора между правящими и теми, кем они правят. Договор этот представляет собой, как правило, набор основных выполненных — или по крайней мере отложенных «в долгий ящик» — пожеланий и обещаний.

Каковы же основные обещания — идеологическое содержание — советского коммунизма в области внутренней политики? Из материалов официальных идеологических учреждений и на основе организованных государством опросов общественного мнения можно заключить, что обещания эти имеют сравнительно отдаленное отношение к исходным тезисам марксизма о всеобщей будущей свободе. Скорее, их можно свести к пяти более земным посулам советскому народу со стороны советского коммунизма: национальная безопасность (беззащитной, как в 1941 году, страна больше не будет никогда), национализм, система поддержания правопорядка против «анархии» (которой боятся многие русские), благополучие «от колыбели до могилы» и улучшение материальных условий жизни каждого последующего поколения.

Действительно ли советская система потерпела «поражение» при выполнении этих обязательств? Она, безусловно, выполнила и перевыполнила обещания государственной безопасности и правопорядка. Национально-патриотические настроения русского народа внедрялись в официальный марксизм-ленинизм на протяжении 40 лет, причем сейчас — с особенной силой. Несмотря на крупные недочеты и преувеличение официальных данных, эффективная система обеспечения благосостояния дает бесплатное среднее образование, здравоохранение, пенсии и субсидии на оплату продуктов питания и жилища практически для всех граждан. Несмотря на широко распространенную систему различных привилегий, коррупцию и дефицит, падение уровня потребления в последние годы, рядовые граждане живут сейчас лучше, чем когда-либо. Например, за период с 1950 по 1980 год потребление на душу населения возросло в 3 раза.

В этом контексте неуместным будет говорить об ис-

торической цене этих достижений или о контрасте между советским и американским уровнями жизни. С политической точки зрения важно то, что взрослая часть населения понимает: этот уровень жизни и гаранты благосостояния не существовали 50 лет назад, когда царили неграмотность и голод. Следовательно, для них эти жизненные условия — крупнейшие достижения советской системы, т. е. частично выполненные коммунистические обещания.

С другой стороны, новым поколениям недостаточно достижений их предшественников. Советскому Союзу больше уже несвойственно быстрое поступательное движение, а кризисные процессы в экономике и затраты на военную промышленность уже вступают в конфликт с растущими запросами потребителей. Эта и ряд других проблем — например, националистические проявления среди неславянских народов, алкоголизм и отрицательные демографические тенденции — могут со временем подточить общественный договор правительства со своим народом, т. е. нарушить его стабильность. Но предполагать, что это произойдет или должно произойти в самое ближайшее время, значило бы недооценивать внутренний потенциал самой системы к реформации и уровень народной поддержки этой системы. Даже официальный консерватизм — преграда на пути реформ — имеет сторонников среди многих советских граждан, и есть, таким образом, еще одно связующее звено между государством и обществом.

Бывший гражданин СССР, эмигрировавший на Запад, недавно был весьма удивлен, услышав мнение, что «большая часть советских людей — антикоммунисты и ненавидят Советскую власть». Он опубликовал в эмигрантской прессе статью, в которой рассказал о своих встречах со «многими типичными представителями всех общественных слоев советского народа»

и — в частности — назвал подобные взгляды «самообманом». Вместо того чтобы подвергаться такому опасному самообману относительно «кризиса» в СССР и в его коммунистической системе, нам следовало бы задать себе вопрос: почему система, имеющая столько проблем, так стабильна? Ответ на этот вопрос поможет нам мудрее и благожелательнее вести политику по отношению к СССР.

6—13 августа 1983 года

Американские средства массовой информации и Советский Союз

Возобновленная американская кампания против «советской угрозы» в самых разных областях — от Центральной Америки и Ближнего Востока до космических исследований — вновь поставила старый вопрос: до какой степени достоверна та информация о Советском Союзе, которую американские газеты, журналы и телевизионные корпорации, имеющие столь большое влияние на формирование общественного мнения и государственной политики, дают своим потребителям?

Умышленно или неумышленно, излагаемая ими информация недостоверна сразу по трем очень важным позициям. Во-первых, согласно традиционно сложившейся схеме работы средств массовой информации много внимания систематически уделяется негативным сторонам деятельности советской системы и совсем ничего не говорится о ее положительных сторонах. Плохие урожаи в СССР и нарушения политических прав и свобод — эти темы постоянно обсуждаются в американских выпусках новостей начиная с 1970 года, а об обширных программах по улучшению благосостояния

и о возрастающем уровне жизни в СССР даже не упоминается.

Такое неравновесие свойственно и для публикуемых в уважаемых изданиях статей, которые принято называть информированным анализом. Попытки проанализировать и достижения, и неудачи Советского Союза чрезвычайно редки, а вот критические уничижительные статьи об СССР появляются очень часто. Влиятельный американский ученый Ирвин Кристолю опубликовал в 1982 году в «Уолл-Стрит джорнэл» статью, в которой, в частности, сообщал читателям, что вся советская государственная система есть «режим мафиозных личностей», имеющих «патологические убеждения» и полностью «оторванных от народа». И тут дело даже не в том, что справедливо как раз обратное, а, по словам корреспондента «Вашингтон пост», вернувшегося из Москвы, «американцы если и знают что-нибудь вообще об СССР, так только плохое».

Следующий момент не так очевиден на первый взгляд. Объективный политический анализ требует языка, лишённого политической окраски. Однако в большей части американского комментария, посвящённого СССР, используют термины, несущие в себе элемент исходной предубежденности и имеющие два уровня восприятия. Например: в США есть правительство, учреждения, занимающиеся безопасностью, и союзники, тогда как в СССР мы видим «режим», «тайную полицию» и «сателлитов». Наши политические лидеры — идеальные политики, «их» лидеры — хитрецы и мошенники, если не хуже. Мы даем миру информацию о себе и пытаемся расширить свою сферу влияния, они распространяют пропаганду и дезинформацию с целью экспансии и доминирования...

Безусловно, у двух систем много различий, но трезвый анализ и подобные «предубежденные» термины —

несовместимые вещи. К примеру, в 1982 году ЦРУ опубликовало сообщение, согласно которому в СССР 4 миллиона человек занимаются «принудительным трудом». Это сообщение основывалось на том факте, что в Советском Союзе все заключенные обязаны работать. Оно было широко и часто очень некритично освещено средствами массовой информации, иногда с упоминанием «рабского труда». Да, но в американских исправительных учреждениях осужденные лица также обязаны работать. Значит, у нас тоже есть «принудительный труд»?

Ну и наконец последний пункт — привычка средств массовой информации считать СССР виновным во всех преступлениях, которые ему приписывают. За последние несколько лет в сообщениях газет и телевидения руководство СССР обвинялось в: увеличении военных расходов на угрожающую величину (от 4 до 5 процентов в год); вторжении в Афганистан с целью захвата Персидского залива; использовании химического оружия («желтый дождь») в Юго-Восточной Азии; уничтожении корейского пассажирского авиалайнера с 269 пассажирами на борту. Впоследствии некоторые из этих обвинений были сняты, а некоторые подвергнуты серьезным сомнениям на основании новых, не столь широко опубликованных данных. Тем не менее в сознании большинства американцев СССР остается единственным виновником всех этих преступлений. И результат — поддержка политики «холодной войны» со стороны этого самого большинства.

Можно ли каким-либо способом изменить образ СССР — «злой ведьмы»? Люди, признающие существование этой проблемы, считают, что для преодоления всеобщих заблуждений относительно сложных реальностей современного СССР нам необходимо больше информации. И действительно, даже образованные аме-

риканцы не знают о Советском Союзе элементарных вещей. Один из экспертов госдепартамента считает, как, впрочем, и сам президент Рейган, что основателем СССР был «Николай» Ленин. Большинство студентов колледжей не знают, на чьей стороне Советский Союз воевал во второй мировой войне, и для них полным откровением является то, что в этой стране живут и печатаются талантливые писатели.

Однако проблема эта имеет долгую историю и одним лишь распространением информации ее не решить. Начиная с 1960 года у потребителя была возможность получить более сбалансированную информацию об СССР, однако это никак не повлияло на средства массовой информации и на общественное мнение. Мы знаем об СССР значительно больше, чем, например, о Китае, отношение к которому значительно благожелательнее. Ведущий специалист по науке и технологии в администрации Рейгана Уильям Шнайдер-младший заявил в свое время: «Советское государство не внесло практически никакого вклада в науку, культуру, искусство, индустрию, сельское хозяйство, как и в любую другую сферу человеческой деятельности». Те же слова он бы повторил даже при наличии любого количества информации.

Очевидно, что определенную трудность представляет и американское безразличие или даже сопротивление объективной информации об СССР. О других странах средства массовой информации часто сообщают с достаточной симпатией — или потому, что Америка исторически испытывала к ним симпатию, или из-за внутренней лоббистской поддержки этих стран. В отношении к Советскому Союзу ничего подобного в США нет, напротив, антисоветские лоббисты постоянно готовы опровергнуть любые факты, могущие указывать на изменения к лучшему в советской системе. Видный интел-

лектуальный деятель Уолтер Лакер писал в февральском выпуске «Комментари» в 1983 году: «В настоящий момент в Советском Союзе относительно мало политических заключенных... Это связано не с тем, что режим в СССР стал менее репрессивным, а с тем, что он стал более репрессивным и в то же время эффективным».

Решение, если таковое вообще имеется, состоит в том, что нужна не только новая информация, но и традиционно присущие американцам чувства справедливости и здравого смысла. Здравый смысл подскажет нам, что у СССР нет причин совершать те преступления, которые ему приписывают. Чувство справедливости не позволит бесчестить нацию, столько пережившую и столько достигшую. Видимо, нам не хватало этих двух чувств при анализе реальностей сегодняшнего СССР. А причина — в нашей собственной истории и в наших потребностях. Как заметил один известный специалист по истории советско-американских отношений, «говоря о Советском Союзе, американцы на самом деле говорили о себе и о своей собственной нации».

12 мая 1984 года

Гражданское мужество

Михаил Горбачев начал кампанию «фундаментальных перемен» в советском обществе. В этой связи возникает важный вопрос: каковы его шансы на успех и, кроме того, как американцы воспринимают это общество? Он и его союзники начали общегосударственную борьбу со «всякого рода временщиками, карьеристами и бюрократами» в советском истеблишменте и призвали всех «благородных, сознательных и порядоч-

ных» членов этого же истеблишмента поддержать эту кампанию. Но есть ли в партийной и государственной бюрократических системах, среди тех членов элиты, чьи карьеры дали им определенное положение и привилегии, честные люди?

Видимо, большинство американских комментаторов считают, что таких людей нет. На протяжении многих лет средства массовой информации приписывали человеческие достоинства лишь диссидентам, эмигрантам и будущим эмигрантам. Это создавало впечатление, что весь советский истеблишмент — конформисты, циники, коррумпированные элементы, если не хуже. Даже более или менее объективные комментаторы называют советских политических деятелей «грубиянами» или «шутами», советских журналистов — «легалками», а признанных советских писателей — «проститутками». Такое впечатление, что с американской точки зрения в рамках советской системы не могут существовать нормальные люди.

Безусловно, в СССР очень трудно быть одновременно удачливым и честным, как с симпатией говорят в СССР, «порядочным человеком» (в оригинале — русские слова латинским шрифтом.— *Примеч. перев.*). В СССР нет системы эффективного демократического контроля за злоупотреблениями властью; многое зависит от каприза местных властей; рискованно протестовать даже по пустяковому поводу; десятилетия дефицита создали тщательно охраняемые привилегии; не существует альтернативы одобренным государством карьерам. По понятным личным причинам люди в конце концов в такой стране становятся конформистами. Как сейчас сообщают советские газеты, люди часто приходят к безразличию или даже к соучастию в коррупции.

И в то же время очень многие члены различных элитных кругов в СССР по-прежнему сохраняют свои

идеалы и — как это издавна называется в России — гражданское мужество. Важно сказать, что в стране, где слово «совесть» имеет глубокий смысл, где официальная идеология по-прежнему проповедует высоконравственные принципы, где 19 миллионов человек являются членами партии, что многое говорит об их человеческих качествах, — в такой стране и не могло быть иначе. Люди эти — не диссиденты, но и не конформисты. У них есть определенные амбиции, они любят свою страну и верят в советскую систему. Но в то же время они хотят, чтобы, согласно их собственному восприятию добра и зла, эта система изменилась, и они — в рамках их ограниченных возможностей — ведут себя соответствующим образом.

Люди, часто посещающие СССР, могут привести много примеров достойного поведения со стороны руководящих и других государственных работников. Особенно важно то, что их достойное поведение стало постоянной темой в лучших образцах советской литературы и даже в произведениях диссидентов, начиная с 50-х годов. Мы видим партийных работников, ратующих за более просвещенную политику, экономических руководителей, игнорирующих директивы из центра во имя большей эффективности системы, журналистов и редакторов, бросающих вызов цензуре, школьных учителей, нарушающих ортодоксальные нормы с тем, чтобы сделать более полным образование их учеников, почтенных академиков и известных писателей, пытающихся помочь наказанным коллегам, молодых рабочих, отказывающихся стать осведомителями в обмен на повышение по службе.

В ходе проведения десталинизирующей политики Хрущева было значительно больше политического простора для совершения добрых дел, чем в ходе консервативного правления Брежнева. В начале 60-х годов

Лен Карпинский являлся руководителем ВЛКСМ и восходящей звездой в партии. К 1975 году его исключили из партии, разрушив все надежды на дальнейшую карьеру, за кулуарную поддержку демократических реформ. Так же в 60-е годы Ивану Худенко, государственному работнику в Казахстане, поручили организовать экспериментальную альтернативу ортодоксальному колхозу. Он вступил в конфликт с могущественными местными политиками, в результате был осужден по ложному обвинению и умер в 1974 году. Но это, разумеется, исключительные случаи. Большинство порядочных официальных лиц просто стали более осторожны и, как сказал мне по секрету один из них, поступали «по совести, но по возможности».

Сейчас Горбачев взывает к их идеалам и вновь поднимает надежды. «Гражданское мужество» стало лозунгом руководства. Кандидат в члены Политбюро и протее Горбачева Борис Ельцин сказал на партийном (XXVII.— *Примеч. перев.*) съезде, что у него «не хватило смелости» критиковать политические болезни общества на предыдущем съезде. Другие высокопоставленные политические и культурные деятели делают в последнее время похожие заявления. Тем временем началась мини-оттепель — послабление — в культурной цензуре. Согласно советским газетам, основные темы культурной жизни — «совесть и достоинство». Это отражают названия трех пьес, идущих сейчас в московских театрах: «Крик», «Говори...» и «Диктатура совести».

Все это вовсе не значит, что в государственной системе СССР произойдет реформа. Очевидно, что призыв Горбачева к политической искренности — это также и политическое оружие в борьбе против оппозиции его власти и политике; никто вне круга его личных знакомых не знает его реальных ценностей и

целей. Кроме того, трудно вызвать в людях гражданское мужество в условиях советской системы, в которой, как открыто заявили Горбачев и его союзники, процветают подхалимство и угодничество, а большая часть официальных лиц — мастера перестраховки.

Однако американцам имеет смысл задать себе вопрос об уровне гражданского мужества в нашей собственной системе, где цена ему значительно меньше. Например, совсем недавно бюджетный директор Белого дома подтасовал цифры, чтобы удовлетворить интересы своих шефов. Астронавты стараются не упоминать о нарушениях мер безопасности — чтобы попасть в полетную группу. Сенаторы США не выступают против внешней политики администрации — из страха не быть переизбранными. И тем не менее большинство американцев убеждены, что быть честным и достойным человеком в СССР можно, только лишь если порвать с системой, забыв о карьере и рискуя понести за это суровую кару. А часто ли мы со столь высокими требованиями и мерками подходим сами к себе? Практически никогда.

3 мая 1986 года

Уэсли Фишер, один из виднейших американских славистов, в 1974 году применил свои великолепные познания в русском языке и особенностях московской жизни, написав вместе с женой Линн одну из самых оригинальных книг об СССР, когда-либо изданных в США — «Московский гурман». Это ярко и с юмором написанный путеводитель по... московским ресторанам, кафе и даже столовым. Несмотря на то что с момента написания книги прошло 15 лет, многое из увиденного четой Фишер в московском общепите свойственно ему до сих пор. Мы предлагаем вам отрывок из вводной части книги, в которой Линн и Уэсли учат американского туриста, как правильно вести себя в советском ресторане.

Уэсли Фишер

В ожидании официанта, или Как устроить скандал

За последние годы в московских ресторанах стали значительно лучше обслуживать посетителей. Хотя в Москве до сих пор нет ресторанов, сервис в которых был бы на уровне мировых стандартов (к качеству пищи

это не относится), вас могут вполне сносно обслужить во многих из них. Однако то ли из-за неорганизованности, то ли из-за непрестижности профессии и отсутствия стимула московские официанты имеют свойство исчезать на неопределенное время. Гость столицы, намеревающийся провести в ней более суток, обречен на то, чтобы хотя бы раз потратить время на процедуру «ожидания официанта». Это «ожидание» может быть в начале еды, когда вы умираете от голода и кусками поглощаете необычайно вкусный и калорийный черный хлеб; оно может начаться после того, как вам подали выпивку и вы мгновенно опьянеете из-за отсутствия закуски; а чаще всего «ожидание официанта» начинается, когда вы уже собрались уплатить по счету. Иногда приходится ждать так долго, что закрывается кухня.

Безусловно, качество обслуживания в Москве улучшается, но несколько полезных советов помогут вам сберечь время и нервы.

Если официант исчез совсем, надо просто встать и найти его, даже если придется обшарить все закоулки кухни. Такой поступок вполне можно понять, и так принято делать. Официант не обидится. Пищу подаете не вы, а он, и поэтому ему незачем ждать того момента, когда он может понадобиться. Таким образом, вы имеете право привлекать его внимание к себе всеми мыслимыми способами: попросите другого официанта его позвать, в случае надобности позовите администратора, и в крайнем случае можете пуститься за ним в погоню.

Чтобы не ждать слишком долго, можно использовать тактику напоминания официанту о следующем блюде, которое необходимо подать. Так, принимаясь за десерт, помните о кофе, а когда он принесет кофе, попросите счет. Если официант твердо решил, что вы весь вечер собираетесь провести в ресторане, каждое следующее блюдо он будет подавать только после сигнала от вас

или, в крайнем случае, поинтересуется, подавать ли его. На его вопрос, принести ли то или другое, ответьте «Да!»: ведь вам все равно придется немного подождать. Ваш ответ «Нет, попозже» приведет к значительно более долгому ожиданию. Если вы хотите относительно быстро поесть, с самого начала предупредите об этом официанта. Если вы очень торопитесь, то лучше перекусить в театральном буфете, чем есть в ресторане.

Если дела совсем плохи и вы оскорблены настолько, что необходимо устроить скандал (в оригинале — русское слово латинским шрифтом.— *Примеч. перев.*), возможны два варианта выхода из положения: можно вести себя грубо и некультурно, начать кричать и шуметь, обзывать официанта, т. е. дать волю чувствам, или избрать тактику, применяемую более культурными представителями московской интеллигенции: спокойно подойдите к официанту или администратору и спросите его, не будет ли он столь любезен и не поспедействует ли, чтобы побыстрее был подан суп или другое блюдо, при этом пояснив спокойным голосом, что ваша бабушка находится при смерти и вы спешите, короче, напомните, что вы — тоже человек. Если вы закричите на официанта, он, вне всякого сомнения, сделает то же самое, а супа вы так и не дождетесь.

В принципе в экстремальных ситуациях посетитель имеет право потребовать книгу жалоб, т. е. подать официальную жалобу на служащего (в некоторых ресторанах есть и книги благодарностей). Согласно ресторанным правилам, книга жалоб выдается по первому требованию посетителя. На самом же деле ее практически никогда сразу не дают. Напротив, администратор или иное руководящее лицо постараются убедить посетителя, что дело не столь серьезно и что книга жалоб ему не нужна. Дело в том, что официальная жалоба, занесенная в книгу, может привести к тому, что этого

официанта или служащего выгонят с работы, сделав соответствующую отметку в его трудовой книжке, и, разумеется, в результате подобных инцидентов падает репутация ресторана. Если же жалобную книгу просит иностранец, то это считается серьезным происшествием и может привести к печальным последствиям. На самом деле лучше всего действует *угроза* сделать запись в книге, что может здорово помочь в ходе скандала. Однако этот способ рекомендуется применять только в экстремальных ситуациях, например, когда вас обсчитали. Лучший способ добиться чего-либо — просить об этом тихим, вежливым и приятным голосом.

Хедрик Смит — опытнейший американский журналист, работал в Сайгоне, Каире, Вашингтоне, Париже. Как и Дейвид Шиплер, Смит был московским корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс». Книга советских впечатлений Смита с оригинальным названием «Русские» вышла в 1974 году, несколько месяцев была бестселлером номер один в США. «Редкая удача!», «Россия — вся целиком перед нами!», «Жизнь, душа и сердце русских!» — восторгались газеты того времени. Судите сами, в какой степени предлагаемый вам отрывок из книги Смита выражает нашу «душу и сердце».

Хедрик Смит

Искусство быть потребителем

К 70-м годам русские потребители стали очень привередливыми покупателями. Жители деревни согласны покупать что угодно, но горожане теперь много внимания обращают на качество продукции. У них сейчас много денег, но тратят они их очень неохотно. Однако наличие в продаже товаров народного потребления так

же непредсказуемо, как и погода (а рекламы, эффективно помогающей покупателю, практически нет). Поэтому русские люди разработали целую систему защитных механизмов, чтобы как-то выйти из положения. Они знают, что на некоторых советских заводах, в частности в Прибалтике, производят приличные вещи: относительно модную женскую одежду, хорошие мужские сорочки, теплые спальные мешки, радиоприемники, лодочные моторы, и что вещи эти исчезают с прилавков в ту же минуту, как там появляются.

Поэтому русские люди беспрестанно бродят по магазинам в надежде оказаться «в нужный момент в нужном месте», т. е., используя жаргонное выражение, «когда выбросят что-нибудь хорошее»: начнут продавать дефицитные вещи. В ожидании такой удачи каждая женщина носит с собой сплетенную из веревок сумку — авоську, название которой происходит от русского слова «авось» — «может быть». Иначе говоря, сумка эта существует на тот случай, когда вам на глаза неожиданно попадется что-то нужное (в магазинах бумажных пакетов не дают). По этой же причине каждый мужчина, куда бы он ни шел, носит с собой портфель. Поначалу русские мужчины с портфелями казались мне образцом деловитости и учености. Однажды, сидя в одном из парков, я разговорился с известным ученым, который в середине разговора внезапно полез в портфель. Я решил, что он хочет достать какие-то бумаги, имеющие отношение к теме нашей беседы. Заглянув в его портфель, я увидел там кусок свежего мяса, завернутый в газету. Этот ученый жил на окраине города, мясо купил, чтобы отвезти домой, а в портфель полез только для того, чтобы проверить, не протекает ли оно. Вообще со временем я понял, что в портфелях принято носить апельсины, тюбики зубной пасты и даже ботинки, а не книги или бумаги.

Следующий защитный механизм — постоянно иметь при себе крупные суммы денег (в СССР не существует кредитных карточек, покупок в долг, чековых книжек и оперативных займов). Покупать в рассрочку можно лишь не пользующиеся особым спросом марки телевизоров и радиоприемников, которые производятся в большом количестве. Как объяснила мне одна дама, надо быть готовым к тому радостному моменту, когда вам попадется какой-нибудь дефицитный товар: «Следует носить с собой много денег наличными. Представьте: дают хорошие сапоги по 70 рублей. Нужно сразу встать в очередь. Бежать домой за деньгами не приходится: к тому моменту, как вы вернетесь, сапог уже не будет».

Очень привлекательной чертой русских людей является то, что они готовы поделить деньги с друзьями или коллегами по работе, если не намереваются совершить какую-нибудь крупную покупку. Как это ни парадоксально, у русских значительно меньше денег, чем у большинства американцев, но они намного более щедро одалживают их своим друзьям. Занять до следующей зарплаты 25, 50 или 100 рублей считается в порядке вещей. Для большинства людей важны не сами деньги, а возможность их хорошо потратить.

Следующий основополагающий принцип русских потребителей — покупать для других. Например, непростительной глупостью считается напасть на такую редкость, как, скажем, ананасы, польские бюстгальтеры, настольные лампы ГДР или югославская зубная паста, и не купить этого для лучшего друга по работе, для матери, сестры, дочери, мужа, деверя и прочих родных и близких. К моему невероятному изумлению, в России люди наизусть знают размеры обуви, бюстгальтера, брюк, платья, обхват талии, рост и прочие жизненно важные параметры целой толпы своих род-

ственников и знакомых, чтобы быть готовыми к тому моменту, когда в близлежащий магазин что-нибудь завезут. Тогда деньги тратят до полного их исчезновения.

Одна москвичка средних лет рассказала мне, как сотрудники учреждений организуют кружки магазинных покупок (примерно так же, как американские домохозяйки действуют в автомобильных кружках *) и распределяют ежедневные обязанности по покупке продуктов в своих маленьких конторских «коллективах». Кто-то один отправляется покупать на всех продукты к обеду, избавляя тем самым остальных от необходимости ходить по магазинам в час пик. Часто женщины в рабочее время обходят крупнейшие центральные магазины в поисках чего-нибудь хорошего и вызывают «подкрепление» в случае необходимости оптовых закупок. В таких случаях немного поторговаться или продать с переплатой считается совершенно нормальным. Один молодой человек рассказал мне, как однажды в автобус села женщина, у которой в авоське было 20 тюбиков югославской зубной пасты «Сигнал». Женщину тотчас забросали вопросами, где она это взяла, и предложениями продать несколько тюбиков по повышенной цене.

Следующий прием, характерный как для рядовых, так и для привилегированных потребителей, — покупать импортные товары. Товары с Запада бывают в продаже редко, но продукция даже стран Восточной Европы и «третьего мира» пользуется высоким спросом у потребителей, и русские готовы переплачивать за нее сколько угодно, даже если в продаже имеются

---

* Автомобильный кружок — принятая в Америке система, по которой сослуживцы ездят на работу в машине одного из товарищей, а нескольких детей из одного класса возит в школу мать одного из них (*Примеч. перев.*).

аналогичные товары советского производства. «Я лучше заплачу в 2 раза больше, но за импортные туфли, а не за наши»,— говорил мне молодой человек из Владимира. На нем были испанские ботинки, стоившие ему 35 рублей (48 долларов),— больше трети его месячной зарплаты. Продавцы в магазинах всегда в первую очередь предлагают не советские товары, а импортные.

Как-то вечером я в порядке эксперимента зашел в ГУМ, чтобы купить какие-нибудь парфюмерные товары. Когда я показал на коробочку, на которой было написано «Крем для бритья», продавщица предложила мне крем другой марки. «А этот — советский?» — спросил я. «Нет,— ответила она.— Производство ГДР. Лучше нашего». Я поинтересовался зубной пастой. Продавщица порекомендовала «Мери» — болгарскую. «Нет, а как насчет советских марок зубной пасты?» — спросил я.— У вас есть советская?» — «Разумеется,— ответила продавщица, удивленно глядя на такого странного покупателя,— но болгарская лучше».

Я все же настоял на своем и купил советскую пасту с апельсиновым ароматом. Испробовав ее, я понял, почему мне рекомендовали болгарскую: привкус апельсина был кислым и совершенно не соответствовал вкусу зубной пасты.

«Все гоняются за импортом,— сказал мне один ученый.— У моей жены была высокопоставленная подруга, член партии, работавшая на «Мосфильме». Она руководила отделом, в котором «редактировали» фильмы.— Тут он посмотрел на меня поверх очков, проверяя, правильно ли я его понял.— Помню, лет 15 назад она мне сказала: «Плевать, что материал плохой, мне нужно импортное платье». И это говорил человек, занимавший такую должность! Конечно же это никоим образом не отражалось на лояльности ее убеждений. Но ей нужны были импортные вещи, она считала, что

они лучше и являются атрибутами хорошей жизни. В те времена их называли «импортные товары». Сейчас все думают, что они стали еще лучше. Поэтому их называют «фирменные» — изготавливаемые фирмой, имеющей свою торговую марку. Но на самом деле ничего не изменилось. Людям нужно что-нибудь не советское — что угодно: рубашка, галстук, пакет, любой пустяк. Тогда их обладателям начинает казаться, что они лучше, чем другие».

Традиционное русское явление — очередь — значительно изменилось в результате всеобщей погони за «импортом». Во всем мире потребители стоят в очередях, но у советской очереди, как у египетских пирамид, — особые измерения. Они многое могут рассказать о психологии русского народа и о его трудностях. Жизнь очереди намного сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Неискушенному прохожему она напоминает полунеподвижную толпу смертных, обреченных за свои скромные запросы на сие коммерческое чистилище. Но стороннему наблюдателю никогда не понять внутренней притягательности русских очередей, их динамичности, их особого этикета.

Единственным подобным примером в американской истории можно считать собиравшиеся еще до рассвета очереди у бензоколонок во время нефтяного кризиса 1973—1974 годов. Они вызвали волну национальной самокритики. Но то было явление временное, связанное с нехваткой товара. А теперь представьте себе, что подобные явления происходят постоянно и со всеми товарами, и вы поймете, что магазины в СССР являют собой одну большую предрождественскую толкучку. Нормальным считается, когда советская женщина тратит два часа в день, семь дней в неделю, на процедуру, которой в значительно более облегченной форме американская домохозяйка подвергается один, может быть,

два раза в неделю, посещая супермаркет. Я обнаружил в советской прессе сообщение, что русские ежегодно проводят около 30 миллиардов человеко-часов, стоя в очередях за покупками. Эта цифра не включает в себя еще несколько миллиардов человеко-часов, проводимых в ожидании на почтах, в парикмахерских, ателье, сберкассах, прачечных, приемоупунктах по сдаче стеклотары и т. д. Кстати, 15 миллионов рабочих, работающих круглый год при 40-часовой рабочей неделе, затратят как раз 30 миллиардов человеко-часов.

Я лично знаком с людьми, простоявшими в очереди полтора часа, чтобы купить четыре ананаса; три часа, чтобы две минуты провести на аттракционе «Русские горки»; три с половиной часа, чтобы купить три кочана капусты (капуста кончилась, когда подошла их очередь), 18 часов, чтобы записаться на покупку ковра; целую холодную декабрьскую ночь, чтобы записаться на машину, которую можно будет купить только через полтора года (невероятная удача). Очереди бывают любой длины: от нескольких ярдов до целой мили, и продвигаются они, как правило, черепашьим шагом. Наши приятели, живущие на юго-востоке Москвы, в течение двух дней и ночей наблюдали и фотографировали очередь, протянувшуюся на целый район. По их подсчетам, в ней было 10—15 тысяч человек, пытавшихся записаться на покупку ковра, а такая возможность в этом районе Москвы предоставлялась только один раз в год. Люди жгли костры, чтобы согреться. Треск дров и шум голосов не давали нашим друзьям спать всю ночь.

Несмотря на подобные испытания, русская женщина почти инстинктивно встает в очередь, как только она ее видит, даже еще не зная, что, собственно, продают. Психология стояния в очереди имеет особую притягательность. Мои русские знакомые мне неоднократно

объясняли, что нормальная реакция человека на очередь — встать в нее, так как сразу понятно — есть за чем стоять. За чем — неважно. Сначала встаньте в очередь, а потом будете задавать вопросы. Подойдет ваша очередь — узнаете, за чем стоите. Женщина-адвокат набрела на огромную очередь в универмаге «Москва», протянувшуюся вдоль всего магазина. Она спросила у последних в очереди, за чем они стоят, на что ей ответили, что не знают, и не очень вежливо посоветовали не вмешиваться. «Я прошла 20 или 30 ярдов, но никто не мог мне ответить, за чем же эта очередь. Наконец, я поняла, что спрашивать бесполезно».

Нина Воронель, переводчик книг для детей, рассказала мне, что покупала в отделе электротоваров миксер, как вдруг продавщица внесла коробку с настенными лампами производства ГДР. «Я попросила девушку: «Выпишите мне одну», и пока шла до кассы, образовалась очередь человек в пятьдесят. Откуда они узнали про лампы — неизвестно. Все, кто был в тот момент в магазине, встали в эту очередь. И совершенно неважно, нужны им лампы или нет. У нас люди покупают не то, что нужно, а то, что считается стоящей вещью. Некоторые эти лампы потом перепродадут, другие — подарят друзьям, но большинство положат их на полку: хорошая лампа всегда может пригодиться, всегда могут пригодиться хорошие ткани, меховые пальто, меховые шапки, зимняя обувь, яркие летние платья, коврики, посуда, эмалированные кастрюли, миски, шерстяные свитеры, зонтики, приличные кошелек, журнальный столик, пишущая машинка, бюстгальтер — не уродливый и бесформенный советский, без регуляторов длины, специально для полногрудых, не в меру упитанных деревенских женщин. Нет, польский или чешский лифчик, белый, симпатичный, а не синий и мешковатый

с розочками. Вот почему люди охотно встают в очередь: вдруг что-нибудь *такое* дают...»

Очереди образуются с такой же скоростью, с какой утки на пруду набрасываются на кусочек хлеба. В одном из киевских универмагов я стоял неподалеку от отдела женских перчаток, как вдруг пронесся клич: «Импортные перчатки». В образовавшейся давке меня чуть не раздавили, притиснув к прилавку. Одна особенно агрессивная молодая пара пробралась вперед, исследовала перчатки поверх голов других покупателей, объявила, что они не импортные, и принялась проталкиваться обратно. Несколько человек от начала очереди также удалились. Однако «хвост» пребывал в полном неведении. Вдруг появилась одетая в синюю спецодежду служащая универмага, толкая перед собой тележку с мужскими ветровками весьма приличного вида. Волна покупателей, как во время прилива, отхлынула от перчаток и буквально занесла бедную служащую с ее тележкой в угол. Очевидно, она не могла продавать товар прямо там, на месте, но ее вместе с грузом отпустили в лифт только после того, как передние ряды покупателей расспросили ее о размерах и ценах, а также об отделе, который будет продавать эти куртки.

Советские очереди значительно более динамичны, чем это кажется на первый взгляд. Внутри них существуют водовороты и течения. Например, в большинстве магазинов попытка покупателей продлена необходимостью стоять в трех очередях: первая очередь — чтобы выбрать товар и узнать его цену; вторая очередь — в кассу за чеком; третья — отдать чек и получить товар.

Однако, попав как-то субботним утром в молочный магазин, я понял, что все одновременно и сложнее, и проще. Я зашел туда, чтобы купить сыра, масла и колбасы, но, к сожалению, они продавались в разных отделах, в каждом из которых была своя очередь. Девять

очередей! Я неслышно застонал. Довольно скоро я заметил, что покупатели со стажем первую стадию минуют: они знают цены большинства продуктов, поэтому сразу отправляются в кассу за чеками. Немного изучив цены, я последовал их примеру, затем с чеками в руках отправился стоять в самой длинной очереди — за сыром, в которой было человек двадцать. Не успел я встать в «сырную» очередь, как дама передо мной попросила, чтобы я подержал ее место, и отправилась в очередь за маслом. «Сырная» очередь двигалась так медленно, что мы не успели пройти и метра, как эта дама вернулась с маслом. Я тоже решил рискнуть, отправился за маслом и купил его, в то время как «сырная» очередь по сантиметру продвигалась вперед. И тут я понял, что в магазине практически все переходят из очереди в очередь, уходя и возвращаясь. При этом «сырная» очередь используется всеми в качестве исходной точки. Именно поэтому и двигалась медленнее всех: она постоянно росла в своей средней части. И тогда, попросив пожилого джентльмена, стоявшего за мной, подержать мое место, я отправился за колбасой. Этот трюк вновь удался. На покупку сыра, масла и колбасы я потратил 22 минуты и, как это ни странно, совсем не чувствовал раздражения, а, наоборот, ощущал себя победителем этой системы, в которой столько недостатков.

Переход из очереди в очередь, как мне объяснили позднее опытные покупатели, допустим при покупке мелочей, но не дефицита. «Обстановка накаляется, — сказали мне несколько женщин. — Люди из опыта знают, что товар может кончиться, пока они стоят в очереди». «Если очередь за чем-то хорошим, люди начинают переживать. Они теряют душевное равновесие, начинают ругаться и пытаются помешать вам вновь стать в очередь. Все зависит от того, готов ли человек, стоящий за вами, защитить ваше право на место в очереди».

ди. Так что попросить стоящего сзади подержать место — дело серьезное. Он принимает на себя моральное обязательство не только вновь пустить вас в очередь через некоторое время, но и защищать вас. Необходимо упрямство и готовность бороться за свои права, невзирая на оскорбления и косые взгляды. А когда вы уже подходите к прилавку и продавцы отпускают покупателям неограниченное количество товара, стоящие сзади начинают кричать на вас, чтобы вы не брали так много, что вы потеряли всякий стыд и не думаете о других. Это очень неприятно», — объяснила мне молодая блондинка.

Похожая на соревнование борьба за покупки создает внутреннее напряжение в русской жизни, которое, как ничто другое, отделяет рядовых покупателей от элиты. Американский журналист как-то уподобил хождение за покупками подготовке молодых солдат в армии, когда сержанты намеренно унижают новобранцев. Он имел в виду высокомерное, пренебрежительное отношение к покупателям со стороны продавцов, которым мало платят, которые чрезмерно загружены работой или просто ленивы.

Существует бесчисленное множество историй о том, как, например, после часового ожидания официантки, которая должна была принять у вас заказ, вам еще через полчаса сообщают, что в ресторане кончилось то, что вы заказывали. В Ташкенте одна пожилая женщина рассказала мне, как после долгого ожидания она наконец добралась до начала длинной очереди за мясом; затем ей пришлось ждать еще пять минут, пока продавец поговорит с приятелем о спорте. Когда женщина попросила мясо, он ей ответил: «А в рот вам его не запихнуть?» Грубые продавщицы встречаются так часто, что Аркадий Райкин, ведущий советский комический актер, исполнял очень популярную миниатюру

о продавщице, у которой советский Каспар Милкtoast * просит подарок для женщины средних лет и которая настаивает, чтобы он купил игрушечную пушечку. Один государственный служащий объяснил мне: «Они как рассуждают: «Я один, их много, так зачем же мне топиться? Все равно им придется меня ждать». И разумеется, он прав. У него же в руках то, что тебе нужно. Так что тебе больше некуда идти».

В очень многих магазинах у покупателей нет возможности обслужить самих себя, так как их опасно отделяют от товаров прилавком и они вынуждены ждать, пока на них обратит внимание продавец. Булочные в этом отношении — редкое исключение. Здесь покупателям предоставляют металлические вилки для проверки свежести хлеба. Однако в больших универмагах покупателей допускают к товару группками в отделенные веревкой секции: женских пальто, детской обуви или спорттоваров.

Постепенное распространение магазинов самообслуживания медленно, но все же изменяет ситуацию к лучшему. Однако это происходит не столь быстро, как хотелось бы, в частности, из-за приверженности русских традициям. В двухэтажном продуктовом магазине на проспекте Калинина я заметил, что люди охотно покупают муку, сахар и макароны в пакетах, но очень многие предпочитали встать в очередь за свежим кефиром (автор, вероятно, имеет в виду сметану, малораспространенную в США. — *Примеч. перев.*), который молодая продавщица разливала по банкам, принесенным покупателями из дому, а не взять готовый пакет, даже если получить его вторым способом значительно быстрее.

---

* *Каспар Милкtoast* — традиционные для американского фольклора имя и фамилия безвольного, женоподобного мужчины (от milk and toast — поджаренный хлеб с молоком, явно не мужская еда).

Других от магазинов отталкивает оскорбительная с их точки зрения процедура проверки сумок покупателей на выходе из магазина, проводимая в целях борьбы с несунами.

Эпопея русского покупателя осложняется еще и совершенно непредсказуемыми перерывами в обслуживании и в работе магазинов. Значительно чаще, чем в других странах, советские магазины устраивают «санитарные дни» и «дни учета», во время которых всякое обслуживание прекращается. Покупатель может совершенно неожиданно для себя обнаружить на двери магазина надпись: «Ремонт», по сути дела означавшую: «Ушли обедать на неопределенное время». В провинции особенно распространена практика закрывать магазин в зависимости от желания персонала, а не от часов его работы. «Они работают так, будто сами себе хозяева», — пожаловалась мне жительница одной кавказской деревни, когда мы обменивались невеселыми впечатлениями о работе единственного продуктового магазина в округе. «Если им кажется, что там есть, что продавать, они открывают магазин, а если нет — закрывают». В других учреждениях организуют перерыв специально без учета интересов потребителей: буфет гостиницы «Украина» закрывается на обед с 12 до 14 часов. В московском парке имени Горького существует замечательная традиция: зимой заливать дорожки водой — чтобы среди деревьев можно было кататься на коньках. Однако его закрывают в самое горячее время: в воскресенье с 16 до 18 часов. Особенно интересно, что уже в 15 часов на каток перестают продавать билеты. «Вы не успеете подготовиться», — отвечала мне одна красавица, и ее никоим образом нельзя было переубедить.

Русские люди ко всему относятся на удивление флегматично, ибо для них вообще хождение по магазинам — это физическая и психологическая битва (при-

мерно так же жители Нью-Йорка готовятся к поездке в метро в час пик). Люди врываются в магазины, толкают друг друга, сохраняя мрачное, агрессивное выражение лиц, не благодарят за то, что им уступили дорогу или придержали дверь. Москвичи, несущие суровое бремя городской жизни, имеют репутацию особенно резких людей. Периодически какой-нибудь очеркист начинает упрекать их за дурные манеры.

Вообще-то русские необычайно дружелюбны в личном общении, им странно слышать, что иностранцам они кажутся мрачными и необщительными. Один очень вежливый седоволосый литературный критик сказал мне: «Понимаете, для нас хождение по магазинам — это сплошная борьба. Жизнь — борьба. Каким ты по счету в очереди — серьезнейший вопрос. Это идет еще с военных вре́мен. Тогда если мальчик не вставал достаточно рано, чтобы занять место в очереди, он в тот день оставался без хлеба. Сейчас положение не столь серьезно. Но люди все равно мрачнеют, когда ходят по магазинам».

Эта ежедневная нагрузка не только от магазинов, но и от доставания продуктов питания, работы сказывается на состоянии людей: они быстрее стареют. Как я выяснил, русские после тридцати кажутся американцам на 8—10 лет старше, а русским американцы на 8—10 лет моложе, чем они есть на самом деле.

Положительным же результатом вечной битвы потребителя за покупки является то, что каждое редкое приобретение весьма высоко ценится и тщательно бережется. Русские в значительно меньшей степени материалисты, чем американцы, но им свойственно чувство радости и гордости из-за относительно несущественных вещей, что американцам, которым куда легче ходить по магазинам, совсем непонятно. Советская журналистка, побывавшая в США и много общавшаяся с амери-

канцами, сказала мне: «В Америке, если я заметила, что у вашей жены новое платье, я просто скажу: «Да, очень мило», — и все. В Москве же, если я приобрела хорошие туфли, — это событие, успех, радость. Это значит, что я каким-то образом достала их через друзей, подкупила продавца или ходила по магазинам и часами стояла в очередях. Заметьте, я не говорю «купила», а говорю «достала». Поэтому, когда я достаю туфли, которые мне нравятся, я ими *очень* горжусь. Все подружки мне говорят: «Ого, у тебя новые туфли! Где достала?» И это вопрос не из вежливости, это жизненно важный вопрос, ведь они думают: «Может, она поможет и мне достать такие же? Тогда у меня будут такие же симпатичные туфли!» Наверное, американцам это совсем непонятно, да?»

Вообще-то она была права, ибо я сам видел торжество в глазах женщин, бесконечно долго стоявших в очереди и наконец купивших парик или югославский свитер. Зрелище, невероятно согревающее душу.

Однако для большинства русских есть другой элемент мировой экономики, который служит им компенсацией за очевидные недостатки их системы обслуживания потребителей и побуждает выбирать более надежный, социалистический образ жизни, а не шаткий западный стиль. Экономический кризис, в который впадала западная экономика в 70-е годы, убедил русских в устойчивости их собственной системы — несмотря на все ее недостатки. Инфляция, безработица, высокая квартплата, высокая стоимость медицинского обслуживания и высшего образования, столь свойственные США, обескураживают советских людей. Для очень многих из них низкая квартплата, бесплатное медицинское обслуживание, субсидии на университетское образование и гарантированная работа, особенно гаран-

тия рабочего места, выглядят более предпочтительно, чем недостатки свободного рынка.

Вспоминаю, как мы были в гостях у специалиста по экологии, который оказался поклонником новелл О'Генри и весь вечер меня и Энн развлекал грустными песнями о Волге под аккомпанемент гитары. «Да, я знаю что в Америке живетсЯ лучше, чем у нас, что у вас квалифицированный рабочий труд оплачивается в 3—4 раза выше и что у вас дома и квартиры больше наших,— сказал он.— Но нам незачем копить на бедность. Я приношу Любе зарплату, она ведет все хозяйство. Никаких забот. Денег мне хватает. А вам необходимо делать сбережения. Вам они нужны, ведь вас могут выкинуть на улицу, и вы станете безработными, да и о пенсии подумать надо. У меня все по-другому. Я ни о чем не беспокоюсь. У меня есть профессия. Я могу уйти из института, найду другую работу по своей специальности и буду получать те же деньги — 220 рэ в месяц. И никаких проблем. У меня 220 всегда в кармане. Вот в этом-то и вся разница. Вам надо беспокоиться о будущем, а мне — нет!»

Джеймс Биллингтон — один из крупнейших американских специалистов по истории России. Он длительное время являлся директором Центра советских исследований имени Вудро Вильсона, в настоящее время — директор Библиотеки Конгресса США. Его книга «Икона и топор» вышла в 1966 году с подзаголовком «Интерпретационная история русской культуры». Нам показалось, что приведенный ниже отрывок из заключительной части этого огромного труда интересен даже сейчас, несмотря на то, что с момента выхода книги в свет прошло почти четверть века, а политологические исследования быстро устаревают.

Джеймс Биллингтон

Ирония русской истории

Концепция иронии может во многом помочь человеку, пытающемуся найти объяснение парадоксам. Это чувство иронии поставит современного исследователя где-то между историками XIX века, всему искавшими объяснение, и полным абсурдом большей части трудов ученых наших дней. В своей книге «Ирония американ-

ской истории» Райнхольд Нибур определил иронию как «на первый взгляд — совершенно случайные жизненные несуразности, которые при более близком рассмотрении оказываются вовсе не случайными». От патетики ирония отличается тем, что ответственность за эти несуразности в какой-то мере человек все-таки несет; от комедии — тем, что несуразности эти внутренне взаимосвязаны; а от трагедии — тем, что они не вплетены в неизбежную сеть судьбы.

Ирония — точка зрения обнадеживающая, но не успокаивающая. Человек — не просто беспомощное существо, помещенное в безумный мир. Он способен бороться с ироническими ситуациями, но лишь в том случае, если будет отдавать себе отчет в ироничности этих ситуаций и избежит соблазна все несуразности подводить под объяснения. Согласно иронической точке зрения история издевается над претензиями человека на величие, но вполне лояльно относится к его надеждам и попыткам сделать жизнь лучше. Она дает человеку надежду и отнимает иллюзии.

В приложении к истории ирония означает, что в историческом процессе заложен внутренний элемент рациональности, но человеку как участнику этого процесса не дано познать этот элемент. Вещи, кажущиеся абсурдом, есть часть того, что Гегель называл «хитроумностью здравого смысла». Смысл в истории есть, только понимаем мы его слишком поздно. «Сова Минервы вылетает в сумерках...» * Есть ирония — но не бессмыслица — в том, что течение истории всегда на один поворот реки опережает человеческую способность его понять. Современные со-

---

* Цитата из предисловия Гегеля к его «Философии права». Минерва в римской мифологии — богиня мудрости и войны (соответствует Афине у греков); ее атрибуты — сова и змея (*Примеч. перев.*).

ставители проектов на далекое будущее считают, что ныне существующий баланс сил сохранится вечно и что решение проблем найдено, совершенно при этом не учитывая действия тех глубоких сил, которые приводят к прерыванию («диалектическому») хода истории. Такие прерывания — перемены — действительно происходят и часто с такой неожиданностью, что никто не может их предсказать, кроме отдельных мыслителей, далеко опередивших умственный потенциал своего времени. История России последних лет полна такими «прерываниями» — переменами: обе революции 1917 года, внезапный поворот к нэпу, вторая — сталинская — революция, нацистско-советский пакт, послевоенный психоз в апогее сталинизма и внезапная оттепель после смерти тирана.

Оглядывая огромную панораму русской истории, все больше убеждаешься в правильности иронического подхода. В московский период наиболее крайние заявления об особенностях судьбы и предназначения России делались именно тогда, когда наиболее велико было западное влияние на страну — при Иване Грозном и царе Алексее Михайловиче. На самом деле идеологи, настаивавшие на «особенности» России, чаще всего имели западное образование: Максим Грек и Иван Пересветов при Грозном, Симеон Полоцкий и Иннокентий Гизель при Алексее. Московские правители сами от себя скрывали всю несуразность их политики одновременного увеличения долга страны перед Западом и антагонизма по отношению к нему. Эти претензии, внутренне свойственные исторической теологии Руси, даже возросли, а не уменьшились после первого контакта с Западом. Патологическое отвращение Ивана Грозного и староверов ко всему иноземному было очень популярно в народе и, видимо, явилось базисом построения современной массовой культуры, позолоченной

научной борьбой зоологов-националистов в конце XIX века и диалектических материалистов в XX веке.

На таком фоне карьеры царей-реформаторов русской империи были ироничны от начала и до конца. Обладая — теоретически — гораздо большей властью для «властвования своими силами» (именно так переводится с греческого «autokrates»: в русском, кроме этого, есть слово «самодержавие»), чем другие европейские монархи, они постоянно оказывались связанными предрассудками формально подчиненных им подданных. Дарование свобод и терпимость монарха часто вызывали неблагодарную, если не деспотическую, реакцию. «Никогда не было еще у раскольников такой свободы, как в годы царствования Петра, но... именно в это время были они наиболее фанатичны». Екатерина, сделавшая больше, чем все ее предшественники для вознаграждения аристократов, первой же и испытала всю силу их идеологической враждебности. Она начала бесконечную дискуссию об освобождении человечества и она же больше, чем все ее автократические предшественники, сделала для милитаризации общества и освобождения крестьянства. В XIX веке популярность царей была, как правило, обратно пропорциональна количеству реально осуществленных ими дел. Александр I, на удивление мало сделавший и установивший в последние годы своей жизни репрессивный и реакционный режим, сохранившийся до времени Николая I, пользовался всеобщей любовью. В то же время Александр II, невероятно много сделавший в первое десятилетие своего правления, был вознагражден в конце этого десятилетия покушением на его жизнь — первым из целой серии, которые в конечном счете оказались успешными.

Один из многочисленных иронических моментов революционной традиции в России заключается в постоян-

ном участии в ней аристократов-интеллектуалов, которые боролись за то, чтобы потерять, а не получить привилегии. «Когда французские буржуа устраивают революцию, чтобы добиться определенных прав — это я понимаю. Но как прикажете мне понимать русского дворянина, затевающего революцию с тем, чтобы все права потерять?» — вопрошал бывший московский губернатор, крайне реакционный человек, уже на смертном одре узнавший о восстании декабристов.

Победа революции принесла новый набор ироний. Есть ирония в том, что практически спонтанно начавшаяся в марте 1917 года революция, поддержанная целой коалицией демократических сил, была впоследствии побеждена в результате переворота, организованного самой небольшой и тоталитарной из оппозиционных группировок, которая практически не принимала никакого участия в свержении царизма. Есть ирония и в том, что коммунизм начался на крестьянском Востоке, а не на индустриальном Западе, и не просто на Востоке, а в России. Маркс и Энгельс отрицательно относились к политике России и не доверяли ей. Иронично и то, что идеология, столь очевидно требовавшая экономической определенности, в такой степени зависела от устных призывов и личного руководства Ленина. Иронично, что захватившая власть революция поглотила своих же создателей и что очень многие из тех людей, что первыми поддержали большевистское восстание в Санкт-Петербурге — моряки Кронштадта, «рабочая оппозиция», — были первыми же жестоко отвергнуты новым режимом за требование тех же самых реформ, которых они — при поддержке большевиков — добивались четырем годами ранее.

Не менее иронично то, что в России, пожалуй, самое сильное отвержение демократии произошло именно тогда, когда в стране принимали видимость образцо-

во-демократической конституции; иронично, что сталинская война с искусством была объявлена именно тогда, когда Россия находилась в авангарде творческого модернизма; иронично, что органы подавления, на которые народ не мог оказывать никакого влияния, получили эпитет «народные».

Есть ирония и в том, что России удалось добиться, казалось бы, невозможного: победить фашистов и первыми покорить космос. Наверное, больше всего иронии заключено в том факте, что советское руководство провалилось в том, в чем — по общему мнению — оно должно было автоматически одержать победу: в подчинении молодого поколения своим доктринам. Иронично, что послевоенное поколение русских людей — самое привилегированное и самое индоктринированное из всех советских поколений, которому даже мельком не пришлось столкнуться с окружающим миром, больше всех сейчас отчуждено от официального этоса коммунистического общества. Но ирония на этом не кончается: лидеры Коммунистической партии называют юношеский задор «наследием прошлого»; более знакомая нам ироническая ситуация — проведение частичных реформ, которое приводит не к благодарной покорности, а к повышенной активности и возбуждению.

Эта уникальная ситуация несет в себе определенный элемент иронии и для западного наблюдателя. Несмотря на его формальную, чисто риторическую веру во внутренне присущее каждому человеку стремление к правде и свободе, западный человек проявлял странное нежелание предположить (и еще медленнее он это признал) возможность наличия подобного стремления у людей в СССР. В последние годы эры Хрущева появилась точка зрения, согласно которой предполагалось, что эволюционные модификации деспотизма будут продолжаться еще довольно долго. Точка зрения

эта переносит в будущее тенденции прошлого. Возникло представление и о том, что СССР (возможно и США) постепенно движется к положению где-то между сталинским тоталитаризмом и западной демократией. Безусловно, такое предположение можно до какой-то степени обосновать; но для этого придется отнять у здравого смысла все его хитроумие и отдать Аристотелевой золотой середине невероятную победу над обществом, которое никогда не относилось с уважением к классическим идеям умеренности и рационализма.

История культуры не дает усредненных предсказаний; однако нельзя забывать о важности национального наследия и активного начала общества. И это активное начало — не переменная в математическом уравнении, которое могут решить на своих компьютерах политические манипуляторы Востока или политологи Запада. Активное начало сегодняшнего СССР больше похоже на растения неопределенного вида, выросшие на сгоревшем поле. Невозможно определить, растут ли они на старых корнях или выросли из семян, занесенных ветром издалека. Только время покажет, изменится ли пейзаж. Однако сам тот факт, что растения выросли, свидетельствует, что почва плодородна; если им суждено погибнуть, их листья дадут перегной для новой, более пышной растительности.

Важнейшим условием нормального роста в ближайшие годы будет сохранение относительно мягкого климата постсталинской эры. Грозовые облака с Запада или с Востока застудят растения. Волны свежести из соседних стран могут значительно стимулировать эту культуру, которая всегда чутко реагировала на стимулы; к тому же мир становится все более взаимозависимым.

Сейчас ожидать развития советского общества в сторону демократии есть не больше оснований, чем в

Эпоху Сталина. Силы одной культуры не служат силам другой; подавляющему большинству русских не знакомы институты либеральной, парламентской демократии. Однако вполне возможно, что в России разовьются новые формы артистического и общественного самовыражения, появление которых не сможет предсказать ни один человек на Западе и которые будут удовлетворять потребность людей в свободе и духовном возрождении. Если у Запада есть нечто аутентичное, что он может передать России, и он сможет сделать это напрямую и неназойливо, тогда ему суждено будет сыграть ключевую роль в этом процессе. Тем более что интерес к Западу — особенно к США — в России очень велик. Именно русская молодежь с разочарованием чувствует утрату Западом жизненности идей, когда она обращается на Запад в поисках путеводной нити. Если американское мещанство вынудит часть русской молодежи повернуться к коммунистической идеологии, это будет двойная ирония, ибо идеологию эту ей — по соображениям русской традиции и советской реальности — следовало бы отвергнуть.

«Он — правдоискатель» — хвалит один герой другого в романе «Главное — люди». Это прекрасное определение молодого советского поколения. Поиск продолжается: надежды не реализовались; все культурное возрождение временами кажется нереальным чудом. Правда, все в истории незавершено, поэтому вполне возможно, что это есть ироничное добавление к понятию реальности.

В апогее сталинского буйства, в полуофициальном романе Алексея Толстого о революции «Хождение по мукам» сумасшедший воображает, что весь Санкт-Петербург, искусственно созданный на костях тысяч людей, был лишь мираж, который вдруг исчез. То, что фантазмагорическое советское общественное уст-

ройство кажется нам реальностью советской истории, многое говорит о нашем восприятии истории вообще. Русские, с другой стороны, всегда были народом мечтательным и идеологическим, поэтому особенно ценили ироническое восприятие реальности в таких произведениях, как «Жизнь есть сон» Кальдерона или «Буря» Шекспира. Очень может быть, что пережившие бурю сталинизма посмотрят, как и Просперо, на «пустую ткань видения»; увидят «башни в облаках», «прекрасные замки, мрачные соборы» — всего лишь «невещественное видение» — и по-новому оценят слова Просперо, что человек — «есть существо, сделанное из снов»...

Невозможно сказать, произойдет ли возрождение. Русские постоянно пользовались конечным продуктом других цивилизаций, пропуская процесс постепенного развития и внутреннего понимания. Россия взяла все наследие Византии «одним куском», не поглотив при этом ее традицию упорядоченной философской мысли. Аристократия взяла язык и стиль французов, но не их критический дух... Радикальные интеллигенты XIX века восприняли западную науку, но не воссоздали атмосферу свободной критики, которая и сделала возможным научный прогресс...

Сталинизм оказался чем-то вроде мести. Россия вдруг с удивлением для себя обнаружила, что ею правят с византийской ритуальностью, но лишенной византийской красоты и уважения, и с западной научностью — но без западной свободы исследований. Заманчиво, конечно, рассматривать чистки 30-х годов как некий ужасный апогей абсурдной тоталитарной логики. Но для историка культуры ужасы сталинизма не кажутся ни случайным явлением, ни неизбежным следствием русского наследия. Глядя с иронической точки зрения, он может заключить, что чистки привели к

своего рода очищению, причем с последствиями гораздо более глубокими, чем предполагалось исходно,— невинно страдавшие создали возможности для достижений новых поколений.

Возможно, Сталин вылечил русских мыслителей от их страсти к абстрактным умозаключениям и от жажды к преждевременным утопиям. Страсть к конкретному и практичному, которая так типична для послесталинского времени, может привести к образованию менее яркой, но более устойчивой культуры. Давно не собирали урожай на полях политических институтов и артистического самовыражения. Однако корни творчества в России глубоки, а почва плодородна. Какие бы там ни появились цветы, они будут более устойчивыми, чем эфемерные соцветия прошлых лет.

В наш век претензий вполне возможно возрождение хитроумия здравого смысла. Однако западным обозревателям не стоит покровительственно относиться к нации, вырастившей Толстого и Достоевского и пережившей в последнее время так много. Нетерпеливые зрители, привыкшие к изделиям в пакетиках, вынуждены заново открывать для себя, «как зреют фрукты, как растет трава». Возможно, путь новых открытий будет параболическим, как у Колумба в стихах Вознесенского: «Инстинктивно плывите к берегу... Ищите Индию — найдете Америку!»

Жизнь — из смерти, свобода — из тирании: ирония, парадокс, дающий слишком много надежд. Необходимо вернуться к реалиям не выросших еще растений, корабля, который все еще в плавании. Еще, возможно, не все бури прошли. Может быть, мы все еще в «юном отважном мире» Миранды и до Просперо нам далеко. Возможно, это поколение, как сказал Евтушенко, «Наполеонова кавалерия, бросившаяся в реку и образовавшая мост, по которому остальные перешли на другой берег».

Итак — образ другого берега. Наполеоновы ассоциации, полные мелодраматизма, оказываются неадекватными. Кажется, что ты оказался на середине одной из могучих русских рек. Нет ни моста, ни лоцмана, ни карты для будущего штурмана. Местные жители все еще ходят по зигзагообразным линиям, которые издали кажутся бессмысленными. Но чем ближе подходишь, тем больше видишь внутреннюю мощь: «Добродушное, неторопливое спокойствие людей, считающих, что жизнь есть движение по горной реке, промеж мелей и скрытых скал». И чувствуешь, что глубокие течения несут тебя все дальше и дальше в открытое море. И начинаешь понимать: ничто — ни шторм недавних времен, ни обманчивые рифы, что лежат впереди, не остановят их на пути к давно обозначенной, но еще невидимой цели — к другому берегу.

«Тайм»:

Михаил Горбачев — человек десятилетия

В номере американского журнала «Тайм» от 1 января 1990 года было сообщено, что М. С. Горбачев признан «Человеком десятилетия» («Человеком года» этого журнала он уже был). Событие не просто приятное для советских людей, но и очень значимое, ибо является свидетельством изменения — в положительную сторону — отношения к СССР рядовых людей Запада (а не только хорошо информированных советологов типа Стивена Козна). Практически весь этот номер посвящен лично М. С. Горбачеву, а также событиям прошлого года в нашей стране и в Восточной Европе. Безусловно, 1989 год явил собой триумф политики Советского правительства на международной арене; возможно, поэтому «Тайм» от 1 января 1990 года стал, вероятно, первым западным журналом в истории отношений Восток — Запад, который посвятил около 60 страниц рассказу о положительных чертах процессов, происходящих в СССР. Мы приводим здесь статьи из журнала, имеющие отношение к теме нашей антологии. Вы наверняка заметите, что в этих материалах крупнейшие американские публицисты признают то, о чем (см. выше) Биллингтон писал в 1966-м, а Козн — в 1982 году. Нам остается лишь повздыхать

вместе со Струбом Тальботтом (см. ниже) о том, что бы было, если бы на Западе некоторые вещи осознали раньше, чем 1 января 1990 года...

Ланс Морроу

Властелин перемен

На мировой сцене пьеса под названием «Восьмидесятые годы» закончилась волшебством. Распахнулись наглухо заколоченные двери, и целые режимы исчезли с лица земли. Казавшаяся столь прочной раковина старого мира разбилась на множество чугунных кусочков, и новая жизнь поднялась вверх в биении белых крыльев.

Революции стали происходить с электронной легкостью бытия. Полмиллиона чехов, заполнивших Вацлавскую площадь, рассыпались в пучок электронов, а тот со скоростью света отразился от спутника и возродился в миллионах телевизионных картинок по всему миру.

От скорости перемен кружилась голова, и каждодневные сюрпризы начали походить на галлюцинацию. Стену, что перерубала Берлин и запечатывала всеобщее мироустройство, растащили на сувениры. Планета спокойно взирала на тихое саморазрушение «холодной войны», казавшейся вечным элементом мироздания. Пройдя сквозь годы онемения и затишья, коммунистический мир ожил энергией событий, которые приобрели едва ли не анархический характер. Безучастной ко всему этому не смогла остаться даже сталинистская Румыния.

Что за волшебник дал волю этим силам? Партийный функционер, убежденный коммунист, обаятельный политик, всемирная знаменитость, импрессарио орга-

низованного беспорядка. Его имя — Михаил Сергеевич Горбачев. Начатый им процесс он сам называет революцией. Пока что она была мирной — в отличие от кровавых заговоров, к которым привык мир. Горбачев заключил союз с гласностью мировых связей и стал властелином перемен... Его портреты, как изображения святого на религиозном празднике, мелькали в толпах чехов. Молодежь ГДР придумала способ дразнить полицию — надо петь: «Горби! Горби!»

Одновременно со свободой мир приобрел и дополнительную напряженность. На заре века путешественников штурман отмечал на карте неизведанные участки океана предупреждающей надписью: «ЛОГОВО ЧУДОВИЩ». Горбачев, конечно же, знает о существовании этих чудовищ и понимает, что придется пройти сквозь невиданный хаос, созданный с его же помощью.

Горбачев и его союзники по перестройке в Восточной Европе победили одно чудовище — государственную машину жестокого подавления политической активности людей. У китайцев и у румын — по крайней мере, до прошлой недели — это не вышло. Китайские студенты несли портреты советского руководителя и скандировали: «У русских есть Горбачев; а у нас в Китае — кто?» В 1989 году были свои «инь» и «янь»: танки против гласности, мертвая хватка прошлого против решительного и рискованного рывка Горбачева в будущее. Горбачев — герой уже потому, что многого не стал делать — вернее, не мог сделать, ибо разрушил бы моральный остов своей программы. В этом смысле — как и во многих других — тиран Румынии Николае Чаушеску сыграл в этой пьесе роль супернегодяя.

В мировом сознании Горбачев уже с 1985 года — года его прихода к власти — играет символически заметную роль. Но в чем его символика? Он дал застоявшейся системе возможность перемен и надежды,

дал динамику движения и созидания, создал поразительное равновесие; он может блестяще отыграть свой номер, скользя на руках по канату через пропасть. Михаил Горбачев — суперстар...

Надо сказать, что у себя в стране Горбачев и его перестройка пользуются значительно меньшей популярностью. На улице Горького открылись фирменные магазины «Эсте Лаудер» и «Кристиан Диор». В то же время в торговле имеются серьезные трудности с мылом, сахаром, чаем, тетрадами, колбасой и прочими мясными изделиями, маслом, овощами, фруктами и даже спичками. В избытке только одно — рубли. Как писал в своем труде о французской революции Алексис де Токвиль, «для дурного правительства наитруднейший момент возникает, когда оно пытается хоть как-то исправить положение вещей. Лишь очень удачливая государственная политика может спасти короля, когда после долгих лет тирании он пытается облегчить участь своих подданных». Верхом на разыгравшихся надеждах в страну въезжает полный хаос.

Сейчас — на переломе русской зимы — Горбачев стоит перед самым опасным моментом своей карьеры. Тем не менее он, проявив невероятную смелость и находчивость, ведет практически необратимую политику, которая преобразует мир. Государственная машина, которую он пытается перестроить, не просто плоха или неэффективна — ей внутренне присущ инстинкт к разрушению, и глупость ее слишком часто обращалась в зло. Горбачев разрушил старый блок, расчищая путь для новой Европы; он резко изменил не только взаимоотношения советской империи с остальным миром, но и суть самой империи — а за этим последовал конец «холодной войны» и у всего мира появилась надежда, что, может быть, и не будет «горячей» войны между сверхдержавами. Михаил Горбачев явился движущей

силой наиболее значительных событий 80-х годов, и дела его определяют наше будущее. Именно поэтому «Тайм» объявил его «Человеком десятилетия».

Многие люди относятся к Горбачеву как к герою прежде всего потому, что — по их мнению — он руководит процессом ликвидации ужасной идеологической системы; однако он вовсе не собирается демонтировать коммунизм. Напротив, он стремится преобразовать его — и тем самым спасти. Руководитель атеистического государства был в детстве крещен. Сейчас в известном смысле Горбачев — спаситель целого общества, сбившегося с пути. Однако он пока еще не нашел ответа на главный вопрос — как оживить коммунизм, при этом оставив его коммунизмом.

В царстве, где последние 72 года правил Калибан *, Горбачев играет роль Просперо. Его цель — не просто исправить «деформации социализма», как он сам называет сталинское наследие и груз некомпетентности централизованного планирования. Цель Горбачева куда более масштабна: устранить уходящие корнями в глубь веков деформации политического характера в русском обществе. Возрождения и Просвещения в России так никогда и не было. Феодализм живет до сих пор — в примитивном авторитаризме советской системы.

Зигмунд Фрейд в свое время сказал, что наука нанесла человеческой самовлюбленности три главных удара. Сначала Коперник доказал, что Земля — не центр Вселенной. Затем Дарвин показал, что человек — существо, не превосходящее других животных с точки зрения природы. И наконец, психоанализ объявил, что че-

---

* В драме-сказке У. Шекспира «Буря» всем правит мудрый и добрый волшебник Просперо; один из жителей его «страны» — дикарь Калибан, олицетворение темных сил природы (*Примеч. перев.*).

ловек — даже «не хозяин в своем собственном доме». Самовлюбленность советского коммунизма все эти три удара получила одновременно, однако многие годы пребывала в тумане неприятия. Несмотря на заявления Маркса и Ленина, система, носящая их имя, безусловно, не есть неизбежный результат исторического развития, не превосходит все остальные системы и даже не является хозяином в своем собственном доме.

Горбачев — это коммунистический Коперник, Дарвин и Фрейд в одном лице. Он хочет, чтобы его соотечественники — его товарищи — наконец постигли эту трицу разрушающихся иллюзий и начали вживаться в целостное и современное общество.

В ноябрьские дни, предшествовавшие его встрече с папой римским (не последняя из сенсаций года), Горбачев сказал: «Нам нужна революция в сознании людей». Переменилась метафизика глобальной власти. Рынок стал дороже территорий, а информация — сильнее оружия. На протяжении многих лет советские люди существовали в параноидальной изоляции, пугаясь всего западного (старая русская традиция) и отстраняясь от него примерно так же, как иранцы аятоллы Хомейни объявляли карантин на западные идейные яды. Крестьянские культуры больше всего боятся заражения «иностранным».

Горбачев — гений выживания по дзэн-буддистски, тонкий актер, умеющий танцевать в разные стороны, шоумен и манипулятор действительностью, хитрый дрессировщик волков. Он умеет неотложные проблемы превращать в нечто положительное — вроде хорошего шанса.

Конечно, кроме того, Горбачев — явление, объединяющее целый ряд сложных и временами противоречивых ролей. Он одновременно — и папа, и Мартин

Лютер коммунизма, и Магеллан, и Маклюэн * аппаратчиков. Человек Десятилетия — всепланетный штурман.

Майкл Крамер

В стиле Горбачева

Когда Франклин Рузвельт принялся за спасение страны от Депрессии, он сразу отказался от предложенных ему жестко определенных целей развития. Стиль Рузвельта — импровизация, постоянно корректируемая при помощи обратной связи. «Моей стране нужен смелый, проводимый твердой рукой эксперимент,— заявил он.— Возьмите какой-либо метод и испытайте его: если не получится — признайте свою ошибку и попробуйте другой. Главное — пробовать».

Стиль Михаила Горбачева, который стремится спасти коммунизм путем реформ, во многом напоминает стиль Рузвельта. Вообще-то ему понадобится по крайней мере талант Ф.Д.Р. **, ведь задача перед ним стоит не менее масштабная. Великая Депрессия — лишь короткий промежуток времени в американской истории; для Советского Союза дорога развития все 72 года была в ухабах.

В любом случае — что бы ни стало с Горбачевым и его политическим экспериментом — он заслуживает звания «гений политики» уже за то, что несет в себе чувства осознанности цели, динамичного развития, решительности и надежды — короче говоря, «положительной перспективы». Сколько бы западные эксперты

* Герберт Маклюэн — канадский социолог (1911—1980), создавший концепцию «глобальной деревни» (Примеч. перев.).

** Двух самых знаменитых своих президентов — Франклина Делано Рузвельта и Джона Ф. Кеннеди — американцы традиционно называют по первым буквам имени — соответственно F. D. R. (Ф. Д. Р.) и J. F. K. (Д. Ф. К.).

не спорили о том, знает ли он, как и чего хочет достичь, Горбачев производит впечатление человека, у которого есть ответы на все их вопросы. Он четко знает, каковы приоритеты его деятельности и в то же время с поразительной решительностью отбрасывает все, что считает не нужным. В прошлом году он решил, — никому не выкручивая рук, — что перестройке в СССР мешает роль доминирующего лидера Восточной Европы, и он тут же выступил в качестве комиссара-освободителя.

Один из ближайших помощников Горбачева в Кремле, Александр Яковлев, посетив по обмену Колумбийский университет в 1958 году, написал работу о Ф.Д.Р. Лорен Грэм, советолог, учившаяся с Яковлевым в одной группе, вспоминает: «Что Яковлева особенно поразило в Рузвельте, так это его понимание главного: для спасения системы надо отбросить все несущественное, и тогда останется самое важное». Поднявший железный занавес — свидетель того, что эту точку зрения в Кремле разделяет не только Яковлев.

Кроме того, Горбачев явно прочел — или сам постиг — истину, к которой пришли еще Платон и Маймонид *: мудрейшие государственные мужи по сути своей — терапевты. Правитель может стать лидером и при этом править на законных основаниях только в том случае, если его народ смело глядит в глаза правде о самом себе и сознательно соглашается на его руководство.

Советский народ давно уже привык к руководителям, которые его обманывают. Горбачев говорит правду, и его сограждане вынуждены были перейти к новым формам общественного договора и восстановить в себе чувство гражданского достоинства. Кроме того, свои слова он подкрепляет делами...

---

* *Маймонид* — еврейский философ и врач (1135—1204).

Горбачев — политик американского образца? Безусловно — таких людей нам в Америке стало не хватать. Работа в западном стиле Горбачеву далась легко. Как Зелиг, персонаж-хамелеон в фильме Вуди Аллена *, Горбачев сразу же принял на вооружение полный набор любимых Западом клише: стабильность, разумная достаточность, взаимная безопасность, в ядерной войне не будет победителей, общечеловеческие ценности, цивилизованное общество, судьба Земли, планета в опасности...

Однако Горбачев не просто освоил лексикон западных либералов. Он с самого начала прекрасно понимал: главное — заручиться поддержкой западных консерваторов. В 1984 году, когда Рональд Рейган все еще называл СССР «империей зла», Горбачев избрал целью второго главного антисоветчика Запада — Маргарет Тэтчер, и та была очарована. Она заявила, что Горбачев — человек, с которым можно иметь дело.

В число своих сторонников он записал даже Господа Бога. Как в одной фразе запечатлеть страх и ненависть, которые Запад испытывает к советскому режиму? — «Безбожный коммунизм». И тогда советский руководитель обратился к Господу столь же решительно, как Буш завернул себя в американский флаг. В своем первом интервью западной прессе (журналу «Тайм» в 1985 году) он сказал: «Всевышний дал нам достаточно разума, чтобы мы смогли искать пути улучшения наших взаимоотношений». Затем он безоговорочно принял нравственные ценности христианства, пригласил в Кремль представителей Ватикана и

---

* *Вуди Аллен* — американский кинорежиссер, создавший целый ряд талантливых, «умно-смешных» фильмов. Очень популярен среди «мыслящей» части американской киноаудитории (*Примеч. перев.*).

заявил, что свобода вероисповедания «жизненно необходима» для успешного течения процессов обновления в СССР. В начале декабря прошлого года он обратился в полного уважения — но не совсем раскаявшегося — пилигрима. После встреч с лидерами практически всего мира — от Кастро на Кубе до Дэн Сяопина в Китае, он посетил папу римского и обратился к нему: «Ваше Святейшество»; папа в ответ благословил перестройку.

Суть политики — правильный выбор момента, и Горбачев обладает просто изысканным чувством — когда нужно настоять на своем, а когда — отступить. Очень поучительна также разница между его действиями на двух встречах в верхах — в Рейкьявике с Рейганом в 1986 году и на Мальте с Бушем месяц назад. В Рейкьявике Горбачев стремился затмить Рейгана и буквально подавил США потоком далеко идущих предложений; в конце концов по ряду ключевых вопросов, вызывавших разногласия, едва ли не была принята его позиция. На Мальте — когда Горбачев понимал, что Буш прохладно отнесется к ярким предложениям и, кроме того, смертельно боится проиграть в популярности, — советский лидер вел себя значительно более спокойно. Он позволил Бушу доминировать на всем протяжении достаточно обширной повестки встречи — и добился личной поддержки перестройки со стороны президента США.

У себя в стране Горбачеву удалось возглавить и силы правящего режима, и оппозицию: он представитель авторитарной системы, борющейся за демократию. Как и Рузвельту, Горбачеву пришлось сначала столкнуться с реальностью, прежде чем решиться на открытый вызов статусу кво. Ф.Д.Р. быстро отказался от идеи сбалансированного бюджета, Горбачев не менее быстро пришел к выводу, что недо-

статочно просто заигрывать с системой. Он убрал из Политбюро и Центрального Комитета представителей старых времен и старого мышления и — после избрания на пост президента — поставил под сомнение многие фундаментальные основы советской политической жизни. Всем запомнилось, как он сказал в адрес тех, кто его перемены рассматривал «как конец света», что это — «конец искаженного света». Что же касается нового строя, Горбачев заявил: «Мы идем от одной... системы государственных и общественных институтов к другой... Нам приходится менять буквально все».

Ф.Д.Р. имел привычку обходить конгресс и по радио обращаться к народу Америки; Горбачев вслед за ним стал первым руководителем Советского государства, который использовал телевидение как политическое оружие. Сопровождаемый работающими телекамерами, он объездил всю страну, врезаясь в толпу, выслушивая жалобы и призывая соотечественников не ждать благ от перестройки, а самим работать на ее благо.

Особенно важно отметить, что Горбачев занял политически нейтральную позицию, весьма сложную для радикала, имеющего пристрастие к контролируемому хаосу. В СССР люди говорят, что Горбачев совершенно не случайно разрешает Борису Ельцину — удаленному из Политбюро и превратившемуся в народного героя — нападать на него слева, в то время как сторонник жесткой линии Егор Лигачев атакует Генерального секретаря справа. Однако Горбачев старается особенно далеко не уходить от своих товарищей. По словам советского журналиста Виталия Третьякова, «Горбачев обладает тонким чувством баланса политических и экономических переменных, а также умеет просчитать, как этот баланс сложится назавтра и что необходимо

будет предпринять, чтобы обеспечить отход назад после чрезмерно резкого рывка вперед». Так, например, на недавних государственных и партийных совещаниях Горбачев успокоил консерваторов, отразив нападки на «руководящую роль партии», и в то же время утихомирил радикалов, сказав, что примат коммунистов необходим только лишь на теперешнем «сложном этапе развития общества».

«Его танец посередине между правыми и левыми просто изумителен,— говорит сотрудник Гарримановского института Роберт Легволд.— Горбачев принятие многих решений откладывает «на потом», но в критический момент всегда голосует за перемены. Он теряет популярность — что часто случается с центристами,— но он есть неотъемлемая часть идеологического спектра».

Безусловно, сам себя он считает именно таковым. На протяжении последних пяти лет он по крайней мере три раза предлагал уйти в отставку — явно не особо беспокоясь, что предложение его будет принято. «Горбачев — великолепный актер,— говорит сотрудник Фонда Карнеги Димитри Саймз.— Он любит производить впечатление громкими речами, но всегда держит ситуацию под контролем. Он обладает истинным чувством возложенной на него миссии — как и Рейган, и — как Никсон — он мастер стратегии и тактики. Вспомните, сколько тянул Авраам Линкольн перед тем, как освободить рабов, и сравните это с поведением Горбачева, который ждет, пока созреет ситуация для снижения влияния партии в обществе; сразу станет очевидно, что его действия выше всякой критики».

В свое время Государственный секретарь США Джеймс Бейкер сказал: «Трудно подобрать слова, воздающие должное Горбачеву. Сказать, что он выдаю-

щаяся личность, — значит ничего не сказать». Сенатор-республиканец от штата Вайоминг Алан Симпсон добавляет: «Я как-то раз сказал Горбачеву, что он, видимо, из тех людей, которых на мякине не проведешь... Не буду делать вид, что могу сказать, какие силы способны вынудить его уйти с поста, но твердо уверен: если бы он действовал в США, во всей стране не нашлось бы ни одного психически нормального политика, который осмелился бы баллотироваться с ним в одном округе».

На международной арене Горбачев — фигура экстра-класса, не сравнимая ни с кем. Однако если ему не удастся поправить положение дел в советской экономике, у него будут большие трудности с победой на свободных выборах. Если будет продолжать падать уровень жизни его соотечественников, перед Горбачевым встанет довольно неприятная дилемма: или вернуться к диктаторским методам управления, или же признать полное поражение и уйти в отставку. Он сможет считать себя достойным той хвалы и почитания, которые он вызвал за рубежом, только в том случае, если его политический гений окажется способным противостоять экономическим проблемам его страны.

Струб Тальботт

Новый взгляд на красную угрозу

После встречи в верхах на Мальте Джордж Буш решил, что ему пора присоединиться к начинанию, которое Михаил Горбачев называет «новое мышление». Подобное намерение — достойное решение для начала нового года и нового десятилетия. Пока что монополия на распространение смелых идей принадлежит Горбачеву, а основной вклад Буша — прошлогодний призыв к политикам Запада действовать «вне пределов полити-

ки сдерживания» *. Год назад, когда он произнес эту фразу в надежде, что она станет девизом года, она прозвучала неплохо, но то было давно. С тех пор действия Горбачева и все, за ними последовавшее, превратили «сдержанность» в невероятный анахронизм, и необходимость продвижения вперед стала самоочевидной. Американское вторжение в Панаму на прошлой неделе — наглядная тому иллюстрация. Она стала первой операцией дяди Сэма после отказа от идеи «сдержанности»; важно отметить, что духа президента Джеймса Монро **, а также хотя бы одного живого коммуниста нигде поблизости не было.

Сотрудники администрации с большой неохотой дают долгосрочные прогнозы — прежде всего потому, что для них и ближайшее будущее не совсем ясно. «Горбачев — это серьезно? А для нас его приход к власти — это хорошо?» — спрашивают они себя, но, едва успев ответить положительно, вновь начинают переживать и задавать новые вопросы: «А он долго продержится? А у него выйдет что-нибудь? А если не выйдет — что дальше будет и кто займет его место?»

На подобные вопросы невозможно ответить по определению кроме как предположениями. Какова вероятность того, что завтра пойдет дождь? Процент сорок. Пожалуй, надо бы зонтик взять. Каковы шансы мощного землетрясения, если вы живете у Сан-Андреасского разрыва? Настолько велики, что имеет смысл проверить страховку; а включает ли она в себя страхование от

* Имеется в виду концепция сдерживания (или, как еще переводят у нас слово «containment», отбрасывания) коммунизма, выдвинутая крупнейшим американским советологом Дж. Кеннаном в 1946 году в его статье в журнале «Форин афферс» (*Примеч. перев.*).

** В 1923 году президент США Дж. Монро предложил Конгрессу доктрину, согласно которой рост могущества США должен был базироваться на присоединении новых территорий, особенно в Латинской Америке (*Примеч. перев.*).

Божьего провидения? Горбачев относится к политическим землетрясениям, как матадор к быку. Попытки угадать, что с ним будет или что он еще предпримет, вряд ли могут вселить решительность в столь осторожного и привыкшего страховать человека, как Джордж Буш. Именно это и произошло в 1989 году.

Победит Горбачев или нет — важнейший вопрос для народа его страны и для мира в целом. Но вряд ли стоит ждать, чем кончится его деятельность, чтобы осознать значимость уже сделанного им: он ускорил ход истории, сделал возможным конец одного из ее печальнейших эпизодов, во время которого сотни миллионов людей вынуждены были подчиняться жестокому и неестественному режиму. Рано или поздно их отчаяние и открытое неповиновение достигли бы критической массы. Однако в лице Горбачева народ имел самого могущественного сторонника, какого только можно себе представить, и поэтому все взорвалось именно в этом году, причем скорость и яркость взрыва явно превзошли любые ожидания.

Вероятно, не менее важен и преобразующий эффект феномена Горбачева на некоммунистический мир, на восприятие и политику Запада. Действия его вызывают — помимо благоговейного страха и восторга — более глубокое понимание того, что его соотечественники со все возрастающей иронией, гневом и нетерпением называют «советской реальностью». Стремление Горбачева преобразовать эту самую реальность не может не заставить западный мир переосмыслить имидж, сложившийся в его сознании. Для нас сейчас самый насущный вопрос не только: «Что же дальше будет?», но и: «Зная то, что мы знаем, увидев то, что мы увидели в прошлом году, как должны мы изменить свое отношение к СССР?»

Лучший способ разобраться в море идей, возникших

за пределами сдерживания,— это проанализировать историю самой идеи сдерживания.

На протяжении более чем сорока лет западная политика основывалась на явно гротесковом преувеличении того, на что СССР способен, следовательно, того, что он может сделать, следовательно — к чему должен быть готов западный мир. Горбачев доказал, что в тех моментах, в которых Запад считал СССР очень могущественным, он на самом деле достаточно слаб. Пьеса, разыгранная в прошлом году,— то удалая, вплоть до полного хаоса, то ужасающая, как на площади Тяньаньмэнь,— показала, насколько хрупким был коммунистический мир, причем проявилось это и в том, как венгерские войска резали колючую проволоку, и в том, как их китайские коллеги убивали студентов. Мир этот хрупким был всегда, только раньше его называли несокрушимым. «Назвав вещи своими именами», Горбачев признал то, что давно поняли в окружающем его мире: коллективная «дисциплина», существовавшая в его стране, суть закостеневшая, деморализующая, жесткая система государственной неэффективности. Он вынудил нас переосмыслить наше отношение к СССР: не столь уж крупное и хищное это чудовище, как убеждали нас авторы западной оборонительной доктрины.

Сейчас в СССР два десятилетия правления Леонида Брежнева называют «эпохой застоя». Сильно сказано, но это не более чем эвфемизм: на самом деле имеется в виду постоянное снижение уровня развития. Для своего народа — да и для всего мира — Горбачев олицетворяет потрясающее откровение советской истории: в начале века Россия сделала страшную ошибку и сейчас, вступая в век XXI, пытается ее исправить *. Остав-

* Подобную точку зрения можно было бы отметить как пример некомпетентного анализа, если бы она не имела на Западе — в особенности в Америке — такого широкого распространения (*Примеч. перев.*).

шись в стороне от процессов модернизации, проходивших во всем мире в XVII и XIX веках, — включая большую часть индустриальной и демократической революций, — Россия не воспользовалась шансом, предоставленным ей концом первой мировой войны и падением монархии, чтобы стать развитой страной XX века. Создавая Советское государство, большевики взяли два компонента своего модуса операнди — террор и секретность, добавили к этому государственную собственность на средства производства, а затем восстановили пять основных элементов царизма: деспотизм, бюрократический аппарат, тайную полицию, огромную армию, а также концепцию многонациональной империи, в которой правят русские.

Кошмар, с которым вынужден сегодня бороться Горбачев, есть результат тогдашнего смешения. Союз тоталитаризма («командно-административных методов») и бюрократии задушил советское общество, экономику и культуру. Горбачев пытается внедрить у себя в стране те экономические механизмы и политические институты, которые на Западе развивались, пока СССР — особенно в «потерянные» годы правления Брежнева — шел в тупике.

Однако на Западе «эпоху застоя» рассматривали не только как период взлета, но даже — по центральным, наиболее угрожающим позициям — как период преобладания Советов. Вот она — огромная загадочная страна на другой от США стороне земного шара. Великий Геополитический и Идеологический Антипод. Считалось, что он обладает немислимой и враждебной мощью и достаточно самоуверен, силен и обеспечен ресурсами для проведения войны до победного конца. Даже сейчас, когда Пентагон вынужден искать пути ограничения своего бюджета, в американскую оборонительную политику внесли поправку на то, что Запад

должен быть готов к еще одной опасности: Горбачева могут убрать с поста и заменить его ретроградом, и тогда советское руководство снова — главное слово здесь «снова» — будет представлять для всего мира опасность с военной точки зрения.

Военные любят поучать своих гражданских начальников, что, мол, о сопернике надо судить по его возможностям, а не по широко объявленным намерениям. Враг может обмануть весь мир по поводу своих намерений, или же они могут в следующем году просто измениться. Напротив, возможности — вещь более постоянная; их можно оценить вполне объективно; их труднее изменить или замаскировать, а если они изменились, то еще труднее вернуться к исходной позиции.

И что же это за такие предполагаемые советские возможности, которые Запад — любой ценой — должен превзойти? В двух словах — это способность выиграть третью мировую войну. А что собой будет представлять эта самая третья мировая война? Опять же в двух словах — она будет похожа на начало второй мировой войны. Две страшные опасности уже давно занимают и умы, и компьютеры западных военных экспертов, причем обе они есть вариации на тему страшных событий полувековой давности. Первая опасность — бронетанковый захват Западной Европы, видеоповтор нападения Гитлера на Ла-Манш. Вторая — это ядерный Пирл-Харбор, атака — среди бела дня — советских межконтинентальных баллистических ракет, которая накроет американские ракеты мирно спящими в своих шахтах.

Эти кошмары — прекрасный пример того, как генералы готовятся к последней войне. Неоспоримо, что западные эксперты должны худшим свойством врага считать его способность причинять зло, а также степень надежности и подготовленности его войск и способность организовать эффективное наступление. Однако они

обязаны иметь хотя бы относительно правильный ответ на следующий вопрос: а зачем этому самому врагу это зло причинять?

Сценарии, описывающие советское вторжение в Западную Европу, напоминают бред параноика. В конце 40-х годов, когда Западная Европа была слаба и практически беззащитна, СССР был не менее истощен. Однако считалось, что Иосиф Сталин «завоевал» Восточную Европу — экспонат номер один на выставке «Советский экспансионизм», — но сделал это на завершающих стадиях второй, а не в начале третьей, мировой войны. Красная Армия просто заполнила вакуум, оставленный павшим вермахтом. А к началу 50-х даже самые воинственные обитатели Кремля вынуждены были смириться с тем, что Западная Европа прочно встала на ноги и поэтому перетасовок не будет, а также с новой американской доктриной, предупреждавшей СССР, что любая агрессия с его стороны вызовет ядерный ответ США.

Не менее парадоксально предположение, что СССР собирается нанести страшный удар по американцам. Враг может жаждать крови или даже быть сторонником геноцида, но он же не самоубийца! Концепция ядерного сдерживания предполагает не только обоюдную способность нанести ответный удар, но и наличие определенного здравого смысла и императива сдержанности с обеих сторон. Сумасшедшего, сдвинувшегося на идее саморазрушения, совершенно невозможно сдерживать. Нужно немалое воображение, чтобы представить себе советское руководство — пусть даже весьма хладнокровное, — которое рассчитывает остаться невредимым после ядерного нападения на США. Люди в Кремле прекрасно понимают, что даже если уничтожить все американские ракеты наземного базирования, придется считаться с тем, что вся страна — включая,

возможно, и их командный бункер — подвергнется сокрушающему удару ракет, расположенных на подводных лодках и стратегических бомбардировщиках.

Бывший министр обороны США Гарольд Браун, первоклассный специалист по невероятным проектам, который никому не давал спуска, еще в 70-е годы признал, что нападение СССР на США было бы «броском космических игральных костей». Однако Советы любят играть в шахматы, а не в кости. В 1948 году Сталин двинул несколько черных пешек и коня на одно из самых уязвимых полей белых — на Западный Берлин. В 1961 году похожий гамбит разыграл Хрущев, а на Кубе в 1962-м он просто проявил безрассудство. Ход этот был неудачен и глуп и привел — помимо всего прочего — к его снятию с поста.

В те времена события эти пугали, но сейчас — как это ни странно — должны нас обнадеживать. Они — прямое доказательство тому, что сдерживание — суть нечто типа силы природы. Само существование ядерного оружия силами притяжения давит на сверхдержавы в минуты политической и военной конфронтации, удерживая их от шага в пропасть. Когда наступает кризис, становятся совершенно не важны расчеты одной стороны по поводу того, сколько оружия у другой; главное то, что у обеих сторон есть ядерное оружие, и точка.

Эта концепция «экзистенциального сдерживания» (так ее назвал Макджордж Банди, советник Джона Ф. Кеннеди во времена конфликта с Хрущевым) основывается как на здравом смысле, так и на опыте человеческого существования. Тем не менее до сих пор никто не счел нужным принять ее за разумную основу сохранения мира. Почему? Потому, что самые худшие предположения о возможностях СССР питают, в свою очередь, самые худшие предположения о его намерениях.

Кошмар советской ядерной атаки до сих пор омрачает сон западных политических и военных лидеров, а также их советников. Администрация Буша по-прежнему привержена дорогостоящей, несовершенной и провокационной системе вооружений — межконтинентальным баллистическим ракетам МХ и «Миджетмен», стратегическим бомбардировщикам Б-1 и Б-2 («Стелз»), а также ракетам Трайдент II, базирующимся на подлодках. Система эта — памятник старому образу мышления. Она возвращает нас в те дни, когда символом веры западных стратегов был образ Америки, беззащитной перед могуществом кремлевских игроков в кости.

Если мы собираемся утверждать, что СССР способен начать и, возможно, выиграть ядерную войну против США, нам нужно вспомнить и принять как Святое Писание еще одно древнее и сомнительное клише: в СССР царит страшный бардак, ничто — за весьма значительным и принципиальным исключением Вооруженных Сил и КГБ — не работает как надо. Люди в Кремле неспособны накормить граждан своей страны, зато они могут попасть ракетой СС-18 в шахту ракеты «Минитмен» в Северной Дакоте, находящейся на расстоянии 5 тысяч миль. Кроме того, несмотря на то, что 15—20 процентов выращенного в колхозах урожая теряется по дороге или сгнивает в кузовах грузовиков, прежде чем доедет до города, советский блицкриг в ФРГ будет верхом военного совершенства.

Гигантская красная военная машина, наверное, по-прежнему выглядит внушительно с высоты 22 тысячи миль, с которой американские спутники-шпионы делают снимки передвижения советских войск. Но когда спускаешься на землю, она становится большой толпой перепуганных 17-летних (так в тексте.— *Примеч. перев.*) ребят, служащих далеко от дома, трясущихся в полуразваленных грузовиках по разбитым дорогам, веду-

щим явно не в сторону экономических интересов их страны. Тем не менее их включают в число (4,25 миллиона человек) личного состава Вооруженных Сил Организации Варшавского Договора (ОВД). Туда же присчитан миллион призывников из восточноевропейских стран, в том числе и те венгры, что пели: «Русские, гоу хоум», те чехи, которые собирались на Вацлавской площади и потрясали цепями, изгоняя Политбюро, и те восточные немцы, которые нашли отличный способ ежедневно вторгаться в ФРГ.

Американский страх перед арифметикой основывается не только на подсчете числа голов в касках и учете количества вражеского оборудования; он постоянно увеличивается за счет одной идеологической операции. Мы видели перед собой политическую систему, которая — на первый взгляд — обладала плоским животом, толстой шеей, большими бицепсами и крепкими внутренностями; кроме того, эта система считала, что в лице коммунизма нашла вполне реальный план победы в игре истории.

В 70-е годы многие известные западные интеллектуалы зашлись в пароксизмах шпенглеровского пессимизма по поводу упадка на Западе. Еще совсем недавно, в 1983 году, Жан-Франсуа Ревель — крупнейший французский философ и известный журналист — написал книгу, ставшую весьма популярной: «Как гибнет демократия». Вот ее первые строки: «Возможно, что демократия — не более чем историческая случайность, примечание в скобках, которые закрываются на наших глазах... Ей суждено прожить немногим более 200 лет — судя по темпам развития сил, стремящихся ее уничтожить». Главной среди этих могущественных враждебных сил считается мировая коммунистическая система.

Несмотря на это, отрицание самой коммунистической идеи было важным элементом прошлогодней дра-

мы. Среди московских партийных интеллектуалов, особенно младшего поколения, распространено мнение, что перестройка — тоже эвфемизм; ведь слово это подразумевает наличие какой-то поломки, на самом же деле речь идет о том, чтобы создать систему, которой еще никогда — даже в проектах построения советского общества — не было (не говоря уж о завоевании всего мира).

Один из ближайших советников Горбачева, Александр Яковлев, прошлой осенью сказал в частной беседе с руководителем одной из западных стран: «Перестройка — удар по нашей самоуверенности». Потом он добавил: «Она означает, что самоуверенность наша была во многом безосновательна». Западным странам пора бы понять, что не менее безоснователен был и их страх перед СССР.

Для того чтобы признать наш преувеличенный страх перед советской угрозой, вовсе не обязательно впадать в грех «нравственной эквивалентности»; западная самокритика по поводу своих страхов периода «холодной войны» не обязательно должна включать нейтральное отношение к советской системе. Совсем наоборот: именно потому, что система эта есть такое надругательство над наиболее основными чаяниями человека, именно поэтому «мощь Советов», о которой столько говорили на Западе, есть на самом деле слабость Советов, а власть имущие в СССР никогда не были особенно могущественны.

Однако здравый подход к этому вопросу существует на Западе давно. Важно отметить, что Джордж Кеннан — интеллектуальный крестный отец исходной идеи сдерживания — был против попыток неправильного ее применения; он призывал не делать демона из врага, не преувеличивать его возможностей и не реагировать чересчур милитаристски.

Еще в 1947 году Кеннан предположил, что система Советской власти несет в себе «семена саморазрушения» и что СССР в конечном итоге может оказаться одним из «самых слабых государств мира, вызывающих жалость». Однако — в отличие от маленького мальчика из сказки — толпа не услышала Кеннана, когда тот пытался громко заявить, что, по его мнению, императору в Кремле не очень-то идут его доспехи. И вдруг Горбачев всему миру объявил, что он голый, а Яковлев добавил, что и у него мороз идет по коже.

Сейчас многие вынуждены менять свои взгляды, даже наиболее твердоголовые дипломаты, работающие в Москве, или недавно посетившие СССР эксперты — сторонники жесткой линии. Они теперь хором заявляют, что с их точки зрения крайне маловероятна ситуация, в которой Горбачев или любой другой воображаемый его преемник в Кремле отправляется искать приключений за рубежом, пока дела на домашнем фронте находятся в нынешнем продолжительном кризисе. Таким образом, начинает формироваться новый консенсус по вопросу о том, что советская угроза довольно сильно изменилась.

На самом-то деле ее и не было никогда. В Великом Споре, продолжавшемся последние 40 лет, всегда были правы голуби.

Как это ни иронично, именно ястребы сейчас наиболее шумно празднуют победу — даже умеренные республиканцы, которым хочется, чтобы их считали консерваторами. И вообще — такое ощущение, что сейчас американская политика целиком основана на вымышленном предположении, что хотя Горбачев явление положительное, он одновременно суть следствие и достижение западной провидческой политики, твердости, последовательности и солидарности. Если следовать логике этого тезиса, для того чтобы произошли бурные события в 1989 году, США, начиная с 1951 года, выну-

ждены были в общей сложности потратить 4,3 триллиона долларов (9,3 триллиона — с учетом инфляции) на нужды поддержания мира.

А некоторые идут еще дальше, считая что увеличение администрацией Рейгана военного бюджета на 2 миллиарда долларов в начале 80-х и привело к окончанию холодной войны в начале 90-х. Другими словами, если бы не весь набор способов давления на СССР, примененных Западом после окончания процесса разрядки, начиная с поправки Джексона — Вэника (она обязательным условием улучшения советско-американских экономических отношений поставила облегчение процесса эмиграции евреев из СССР), то в Кремле сегодня сидел бы совсем другой человек. Или в крайнем случае был бы совсем другой Горбачев, который продолжал бы репрессировать диссидентов, высылать отказников в Сибирь, вторгаться в соседние страны, поддерживать диктаторов, финансировать войны в «третьем мире» и вообще — вести себя так, как предположительно должен вести себя советский лидер, занимающий центристскую позицию.

Если согласиться со всем этим, то можно сделать логичный вывод, что политика США не должна претерпеть никаких принципиальных изменений. Именно эта логика и тот комфорт, который она с собой несет, помогли Бушу в начале прошлого года переосмыслить свой изначально пассивный подход к Горбачеву.

Горбачев же на самом деле больше внимания обращает на давление внутри страны, а не из-за рубежа. Советская система рухнула (автор, по-видимому, имеет в виду процесс демонтажа административно-командной системы. — *Примеч. перев.*).

Вследствие несоответствий и изъянов в самой сердцевине своей структуры, а не потому, что Запад принял — или пригрозил предпринять — к тому какие-

либо меры. Горбачева значительно больше беспокоит то, что он видит сквозь стекло своего лимузина, и то, о чем сообщают в своих докладах огорченные министры, а не спутниковые фотографии американских ракет, направленных на Москву. Скорби и решительности ему придает именно услышанное от соотечественников в Краснодаре, Свердловске и Ленинграде, а не угрозы, призывы или санкции иностранцев.

У Джорджа Буша и госсекретаря Джеймса Бейкера хватает реализма, чтобы понимать: в ближайшем и относительно отдаленном будущем Горбачеву практически ничем не «поможешь» в его попытках преобразовать экономику. Кстати, США вообще никогда не могли никоим образом даже слегка повредить советской экономике. Инертность, затратный механизм, коррупция были всегда внутренне присущи советской системе. Они есть следствия ран, нанесенных самим себе, а не результат западных бойкотов и прочих карательных мер. Внешение 15 лет назад поправки Джексона — Вэника имело политически символический смысл, но результата — практически никакого: то же самое можно будет сказать, если в этом году поправку отменят.

Думать, что Запад своими действиями мог вызвать сейсмические явления, происходящие сейчас в СССР и его «братских» странах, — значит впасть в софистское заблуждение. Если бы СССР был таким могущественным, каким его считали боявшиеся угрозы с его стороны, сейчас он не претерпевал бы подобных изменений. Сегодняшние события — на самом деле окончательное отрицание общепринятых ястребиных взглядов, которые доминировали на протяжении последних 40 лет, и запоздалая победа проигравших — Кеннана, например, судьбой так похожих на Кассандру*.

---

* *Кассандра* — дочь царя Трои Приама; отвергла Аполлона, за что тот ее сурово наказал: греки перестали верить ее истинным пророчествам (*Примеч. перев.*).

Если бы взгляды и рекомендации Кеннана восторжествовали раньше, мир бы давно уже пришел к тому, что происходит сейчас, ушел бы от политики сдерживания и — возможно — многого бы достиг быстрее и меньшей ценой.

На протяжении всего прошлого года некоторые вопросы считались чересчур смелыми. Например: «А что, если Горбачев на самом деле хочет разоружаться?»; «Может быть, он действительно готов демилитаризовать советское общество и советскую политику?»; «А вдруг он возьмет и установит у себя в стране такой уровень войск и вооружений, который будет служить реальной основой для его лозунгов о «взаимной безопасности» и «оборонительной доктрине»?».

Конечно же знаки вопроса здесь устарели и потому неуместны. Горбачев давно уже приступил к выполнению положений, приведенных в условных оборотах предыдущего абзаца. Осенью прошлого года престижный Лондонский институт стратегических исследований торжественно заявил, что односторонние сокращения, о которых объявил Горбачев, «по их завершении полностью исключают возможность неожиданного нападения со стороны СССР, которое столько лет беспокоило экспертов НАТО». То же самое заявил в ноябре Пентагон. Признание это имеет особый смысл прежде всего потому, что сделали его те две организации, которые на протяжении многих лет были уверены в существовании подобной угрозы не только на бумаге, но и в реальности.

Администрации Буша делает честь то, как она перешла от вопросов типа «А что, если?..» о Горбачеве к вопросам типа «Что необходимо, чтобы?..» по поводу американской роли в демилитаризации отношений. Однако на извечный вопрос: каков достаточный уровень оборонительных сил? — было бы проще ответить, если бы

всем стало ясно, что наш старый ответ есть следствие явного преувеличения военного потенциала СССР.

Давно пора всерьез подумать над тем, чтобы отправить на покой Организацию Северо-Атлантического Договора — с почетом, конечно же, но без особо ностальгических чувств. НАТО, безусловно, содействовала делу сохранения мира. Однако тому же в не меньшей мере способствовали и само существование ядерного оружия, а также внутренне присущая СССР слабость — нагота красного императора перед лицом врагов.

Нет опасности, что НАТО неожиданно развалится, ведь большинство лидеров западных стран — и даже некоторых восточных — сходятся на том, что союз пока что необходим: он может служить подспорьем в ходе возможных перемещений и конфликтов, которые совершенно неизбежно будут сопутствовать процессу дезинтеграции коммунистической системы на Востоке. Однако НАТО — не более чем неплохой промежуточный этап, и необходимо найти взамен ему нечто более современное и эффективное. Союз западных стран был введен, дабы поддерживать равновесие между двумя гигантскими блоками. Сейчас, когда Железный Занавес уступил место значительно более запутанным границам между странами и между нациями в рамках одной страны, НАТО просто в принципе не в состоянии адекватно реагировать на напряженные отношения между двумя крайне недружелюбными по отношению друг к другу членами ОВД — Венгрией и Румынией, или между двумя практически воюющими республиками неприсоединившейся Югославии — Сербией и Словенией. В целом НАТО необходимо сохранить на переходный период, пока всем ясно, что она играет временную роль. Администрации США и лично Джеймсу Бейкеру делает честь его продуманная речь в на-

чале месяца в Западном Берлине, в которой он призвал государственных деятелей Запада начать поиск новых идей и учреждений, которые обеспечат безопасность в Европе после окончания «холодной войны».

Кроме того, настала пора подумать и о ликвидации других военных миссий США — за пределами Европы. Если СССР наконец соберется и уберет морские и воздушные базы с территории Вьетнама, почему бы США не убрать свои базы с Филиппин? Основной контраргумент — будто бы народы и правительства Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона нуждаются в постоянном значительном военном присутствии США в этой зоне для обеспечения баланса с Японией и Китаем. Эта логика напоминает иногда появляющиеся ныне тезисы о том, что, мол, миру сейчас, как никогда, необходимы НАТО и ОВД — дабы защититься от опасности воссоединения и ремилитаризации Германии. Для старых конструкций приходится придумывать новые оправдания.

Очень может быть, что изменившееся мироустройство и потребует наличия американских (и советских) войск в разделенных Германиях или американских военных кораблей в Южно-Китайском море. Однако необходимо точно и честно определить цели, которые мы преследуем, размещая там корабли; цели эти требуют яростных дебатов и политического обоснования. Если же США запутаются или неправильно расставят приоритеты, они не смогут получить поддержку со стороны своего народа по поводу различных заморских миссий и лишатся расположения и сотрудничества со стороны союзников.

Когда в прошлом году в Китай, наконец, пришла всепланетная борьба против коммунизма — возможно, стимулированная майским визитом Горбачева, — правительство США оказалось в нерешительности. До

какого-то момента оно поддерживало всплеск демократических настроений. В то же время оно крайне боялось нестабильности, и не только потому, что чрезмерная и применяемая в массовом масштабе жестокость могла привести к гибели сотен, может быть, даже тысяч студентов, но и из-за того, что могли бы нарушиться давние отношения между США и — как теперь ясно — неправильно названной Народной Республикой. Администрация так стремилась поправить отношения, что была готова сделать это даже на условиях, выдвинутых полуразвалившимся тиранами Пекина. В июле Буш тайно послал в Китай своего первого советника по национальной безопасности Brenta Скоукрофта и заместителя госсекретаря Лоренса Иглбергера. Еще один визит — в начале этого месяца — стал достоянием гласности только после того, как эмиссары прибыли в пункт назначения. Вообще вся эта история похожа на игру в прятки, как будто администрация Буша пытается быстро совершить какое-то темное дело (что так и есть в определенном смысле). В результате США унизили сами себя, оскорбили демократические силы Китая и память павших на площади Тяньаньмэнь и напомнили всему миру, что старое мышление образца 70-х годов преобладает по многим вопросам в американской внешней политике. Кроме того, эта странная миссия, видимо, должна была послать угрожающий сигнал в сторону СССР, явно не в духе того, о чем Буш несколькими днями раньше говорил на Мальте. Горбачев с его перестройкой вполне может потерпеть крах. СССР может вернуться к дурному поведению образца прошлых лет. Но Кремлю надо помнить и бояться: США явно повысили ставки путем традиционной «треугольной» дипломатии; сколько ни отрицалось ее существования, бесславная китайская карта на руках США и готова к любым будущим партиям в покер.

«Стратегический союз» с Китаем, которым столь дорожат США, нужен только в том случае, если будет переосмыслена его исходная антисоветская направленность. То же самое относится и ко всем мерам США по обеспечению безопасности — в Азии, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке.

Такое ощущение, что администрация Буша, проявляющая неприкрытую враждебность по отношению к Кубе, Никарагуа и Вьетнаму, летит на автопилоте, запущенном еще в те времена, когда СССР занимался экспортом революции. В определенной мере Фидель Кастро, сандинисты и руководители в Ханое — не очень приятные люди. Однако то же самое можно сказать и о множестве других лидеров стран мира, с которыми США приходится иметь дело. Пожалуй, США будет легче иметь дело с этими раздражающими ее личностями в том случае, если они перестанут рассматривать их как советских ставленников. Даже само это слово потеряло смысл за последние годы.

В целом свежая струя мысли в Америке в основном концентрировалась на том, чем США могут «помочь» Горбачеву. Кроме того, ставится вопрос, чем он может помочь США, их союзникам и миру в целом. Он уже во многом помог — хотя бы тем, что возглавил обновленную страну, которую мы теперь знаем как огромное образование с огромными проблемами, которое пытается войти в третье тысячелетие, не развалившись на куски.

«Холодная война» не только стоила нам много миллионов долларов (и рублей), но и немного свела нас с ума. Она нарушала приоритеты, отвлекала внимание от главного и на протяжении более чем двух десятилетий занимала наиболее светлые и яркие умы в правительстве, в академических учреждениях и мозговых центрах. Их внимания требует масса других вопросов, многим из которых надоело ждать.

Размеры задолженности и масштабы бедности в странах «третьего мира» угрожают развитию там демократии. Задолженность Америки и самой себе, и иностранцам угрожает ее внутреннему благосостоянию и развитию ее международных отношений. Последствия становления Японии как супердержавы, возможно, в скором времени затмят ставшие ныне модными заботы по поводу воссоединения Германии. США, наверное, выиграли «холодную войну» с СССР и тем временем проиграли торговую и технологическую войну с Японией. Кроме того, вопросы охраны окружающей среды — также очень модная тема политической риторики — не получают даже доли того серьезного и постоянного внимания со стороны законодателей, руководителей и рядовых граждан, которого они заслуживают.

У США и их основных союзников нет связной стратегии решения этих и других глобальных вопросов. До недавнего времени оправданием тому служила необходимость ведения «холодной войны».

Времена эти кончились.

Горбачева благодарят народные массы, но и его же — с долей шутки — вполголоса проклинаят многие в мировой элите международных отношений за то, что он совершенно неожиданно опрокинул огромный волчок американской дипломатии. Внезапно в мозговых центрах и залах, где определяется политика, начали интенсивно почесывать в затылке. Те, кто всю жизнь переживал по поводу грядущего конца света (большого взрыва ядерного Армагеддона), внезапно принялись оплакивать «конец истории»; добро победило, кончилось манихейское * побоище, человечеству остались лишь скучные местные и технологические проблемы. Дурац-

---

* *Манихейство* — древнее учение о борьбе добра и зла как исходных и основных принципах бытия (*Примеч. перев.*).

кая, но весьма симптоматичная идея, ибо она выделяет дилемму, возникшую перед всеми западными политиками, начиная с Джорджа Буша: затухание «холодной войны» само по себе не есть компас и карта эры после «холодной войны».

Им стоило бы перестать переживать по поводу того, как дальше поступит Горбачев и что с ним сделает тот тигр, на котором он едет. Оставьте это Горбачеву. У него — пока что — неплохо получается. В любом случае, он сделал полных идиотов из всех экспертов и провидцев.

Если Буш поймет, в чем заключается «видение нового мира», первой его задачей будет применить это видение к развитию нового интернационализма, новой геополитики, которая подготовит Запад, а возможно, и Запад, и Восток, к решению новых проблем; проблемы эти сделают начавшуюся сейчас главу истории не менее трудной, чем та, которая, к счастью, закончилась. Будет ли названа эта новая глава эрой Горбачева — вопрос, на который не имеет смысла тратить время, ибо он относится к категории риторических. В любом случае, как бы ни был назван новый этап исторического развития, он, вне всякого сомнения, стал возможным благодаря деятельности Горбачева.

Брюс В. Нилан

Год народа

Феномен Горбачева есть отражение и гордости, и стыда советских людей. Уже целое поколение в СССР живет с сознанием этого противоречия. Они были удовлетворены мыслью о том, что их страна — сверхдержава, и находились в постоянном отчаянии по поводу отсталости экономики. Они были вынуждены жить в

переполненных старых помещениях. Невероятно трудно было купить даже самое необходимое. Сознание собственного гражданства вызывало порой чувства оскорбленности и обиды. Правительство не разрешало им высказывать свою точку зрения и не давало возможности путешествовать, ездить за рубеж. На протяжении многих лет всему этому было одно объяснение: трудности — следствие Великой Отечественной войны против фашизма; репрессии — реакция на постоянную угрозу со стороны капиталистического империализма *.

Однако с течением времени русские все меньше и меньше стали подходить под стереотип «безграмотного крестьянина», на терпеливость которого мог полагаться царь или комиссар. Советские люди стали более образованны и информированны, несмотря на выливаемые на них потоки пропаганды. Народ становился политически зрелым, а его руководители впадали в старческий маразм. Людям горестно было слышать, с каким трудом говорит Леонид Брежнев, или осознавать, что он вынужден был есть на государственном обеде ложкой, так как у него сильно тряслись руки. Они рассказывали мрачные анекдоты: государственное радио боится транслировать симфонии Чайковского, написанные в минорных тональностях, ибо все решат, что умер очередной генеральный секретарь.

Народ — слово это столь часто все поминалось его правителями — хотел видеть смелое и здравомыслящее руководство, во главе которого стоял бы человек, который был бы символом гордости, а не позора нации. Именно поэтому в 1979 году после телетрансляции о вручении в Кремле очередных наград по всей стране прокатился заинтересованный шепот — страна впервые

---

* Так в оригинале. Автор, очевидно, под словом «империализм» понимает не совсем то, что принято у нас (*Примеч. перев.*).

увидела Михаила Сергеевича Горбачева. Новый секретарь ЦК не просто непринужденно держался среди 70-летних руководителей страны; он оказался единственным, кто смог поблагодарить за награду «не по бумажке».

После избрания его на пост главы партии в 1985 году Горбачев оправдал надежды тех, кто ждал перемен, а также самые худшие предположения тех — включая и товарищей по партии, которые за него голосовали, тех, кто боялся, что он ограничит привилегии и полномочия элиты. Он оказался своего рода политической динамо-машиной, разбрасывающей снопы искр как внутри страны, так и за рубежом. Его приверженность не совсем пока еще ясным целям перестройки, его попытка переориентировать экономику страны на производство товаров, нужных людям, политика гласности, положившая конец официальной лжи, преобразовали не только СССР, но и международные отношения. Страны Восточной Европы, которые мы так долго — и правильно — называли сателлитами СССР, начинают развиваться по западному образцу. Для них подобное развитие стало возможным лишь потому, что Горбачев не мешает им в этом. В СССР же старый уклад общественной жизни не просто отходит в прошлое; он уже попал на — по словам Льва Троцкого — помойку истории. Никто — и Горбачев в том числе — не знает, что будет дальше. В любом случае будет нечто новое.

Идея возрождения коммунизма принадлежит не Горбачеву, но в годы его становления, о которых мы мало знаем, он, безусловно, усвоил главный урок о связи между внутренними реформами и международными отношениями. Он своими глазами видел, как решительная культурная оттепель Никиты Хрущева в конце 50-х обратилась в заморозки «холодной войны» после кубинского кризиса. В середине 60-х годов Алек-

сей Косыгин, бывший премьер-министром до самой своей смерти в 1980 году, совершил попытку переориентировать тяжелую промышленность на производство товаров народного потребления, ввести децентрализацию и прибыльность предприятий. Ирония состоит в том, что программу эту свернули — помимо всего прочего — из-за попытки Чехословакии построить «социализм с человеческим лицом», которая вызвала обратную реакцию антилиберализма в СССР. За пять лет до прихода Горбачева к власти в Польше был создан первый в советском блоке независимый профсоюз «Солидарность». Однако официальные органы считали Леха Валенсу преступником. Казалось немыслимым, что «Солидарность» может войти в правительство, а тем более возглавлять его.

Интеллектуальные и биографические истоки радикализма Горбачева навсегда останутся тайной. В известном смысле, чем более радикальным он становится, тем большая это загадка. Поразительные перемены, произведенные им в СССР в прошлом году, — в особенности свобода слова и демократизация, а также его отношение к революционным процессам в Восточной Европе — шокировали бы не только ныне покойного Андрея Громыко, выдвинувшего Горбачева на пост Генерального секретаря в 1985 году, но и самого Горбачева пятилетней давности.

Тем не менее кое-какие факты мы можем почерпнуть из его биографии. Как и все население страны в целом, он значительно более образован, чем его предшественники. Он окончил юридический факультет Московского университета, и поэтому он — первый руководитель партии и государства с университетским образованием со времен Ленина. Он имеет большой опыт оценки обстановки и того, что марксисты любят называть — но не всегда почитают — «объективной ре-

альностью». Его восхождение по партийной лестнице началось через значительный промежуток времени после смерти Сталина, поэтому он в меньшей степени, чем его старшие коллеги, подвержен ксенофобии и не приемлет террор как нечто само собой разумеющееся. Его способности первым заметил председатель КГБ Юрий Андропов и помог ему и советом, и делом. Андропов был секретарем ЦК и, являясь главой разведки, имел доступ к информации о реальной, не искаженной пропагандой, внутренней и международной жизни. Поэтому он смог рассказать Горбачеву об истинных темпах снижения уровня развития их страны.

Как и его наставник, Горбачев видел, что скрипящая советская система централизованного управления, задушенная бюрократами, находилась на последнем издыхании. Чтобы смазать маслом шестерни перестроенной экономической машины, необходимо было поднять производительность труда и отнять в пользу потребительского сектора большую часть гигантских ресурсов и мозговых усилий у военных. Для этого ему пришлось преодолеть традиционную для большевиков паранойю и переосмыслить угрозу СССР с Запада. В 1987 году он написал: «Безопасность в мире больше нельзя основывать на военной мощи».

В самом начале своей деятельности Горбачев думал, что можно перестроить страну, просто заменив лентяев работниками, пообещав реальное вознаграждение за хороший труд и снизив потребление водки. Короче говоря, он рассчитывал в основном на укрепление дисциплины. Однако через два года он понял, что проблемы лежат намного глубже и требуют значительно более масштабных и кардинальных решений. По его словам, он понял, что «косметическими мерами» не обойдешься, и тогда «мы пришли к концепции перестройки — революционного обновления социализ-

ма и всего нашего общества». На практике эта величественная, но не совсем конкретная формулировка означала снижение степени принуждения в обществе и введение беспрецедентного, просто немыслимого уровня плюрализма. В 1987 году в своей книге «Перестройка» он написал: «Подавлять, уговаривать, подкупать, подрывать можно лишь на протяжении определенного промежутка времени».

Этот принцип он постарался применить и дома, и в Восточной Европе, объяснив возникновение там застоя и недовольство народных масс «ошибками в деятельности руководящих партий». Восточноевропейские режимы всегда были уверены в том, что их Старшие Братья в Москве обеспечат их той грубой силой, которая в системе марксизма-ленинизма довольно долго заменяла силы закона. Внезапно первый человек в Кремле заявил им, что не собирается их поддерживать и что им придется или прийти к реальной общественной договоренности со своими народами, или же пасть. За сим последовали наиболее невероятные события 1989 года и всего десятилетия: со скоростью, от которой дух захватывало, в Восточной Европе один за другим рухнули коммунистические диктаторские режимы...

Историки и политологи любят спорить по поводу того, что движет историей — великие люди или великие силы. Выпустив на свободу демократические силы, Горбачев дал новое содержание теории «роли личности в истории». Возможно, даже ему не удастся сохранить под контролем эти силы... В любом случае — что бы ни произошло с 1,8 миллиарда живущих в коммунистических странах Евразии людей, что бы ни произошло с самим Горбачевым, — он уже занял свое место в истории как катализатор создания новой Европы.

Содержание

Вступление	3
Дейвид Шиплер. ИДОЛЫ И МЕЧТЫ РОССИИ	6
Стивен Коэн. АМЕРИКАНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	40
Советофобия: советская проблема номер два	42
Социалистическая система СССР: кризис или стабильность?	46
Американские средства массовой информации и Советский Союз	51
Гражданское мужество	55
Уэсли Фишер. В ОЖИДАНИИ ОФИЦИАНТА, ИЛИ КАК УСТРОИТЬ СКАНДАЛ	60
Хедрик Смит. ИСКУССТВО БЫТЬ ПОТРЕБИТЕЛЕМ	64
Джеймс Биллингтон. ИРОНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ «ТАЙМ»: МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ — ЧЕЛОВЕК ДЕСЯТИЛЕТИЯ	80
Ланс Морроу. Властелин перемен	91
Майкл Крамер. В стиле Горбачева	92
Строуб Тальботт. Новый взгляд на красную угрозу	97
Брюс В. Нилан. Год народа	103
	123

Составители и переводчики

Федор Дмитриевич Урнов

и

Ольга Юрьевна Урнова

СССР ГЛАЗАМИ СОВЕТОЛОГОВ

Заведующая редакцией *С. Митрохина*. Редактор *Е. Чистякова*.
Художник *Ю. Лылов*. Художественный редактор *В. Горин*. Техни-
ческий редактор *М. Гречнева*. Корректоры *Т. Сёмочкина, И. Сахарук*.

ИБ № 4938

Сдано в набор 05.04.90. Подписано к печати 25.10.90. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага
офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,6.
Усл. кр.-отт. 6,12. Уч.-изд. л. 5,43. Тираж 10 000 экз. Заказ 762. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854,
ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Денина типография «Красный
пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Идолы и мечты России. Американское восприятие и советская реальность. В ожидании официанта. Искусство быть потребителем. Ирония русской истории. Михаил Горбачев — человек десятилетия.

Издательство
Московский рабочий
Редакция
«Лук»
на
Листовых
материалах

